
History and Historians in the Context of the Time

Has been issued since 2003.
ISSN 2078-1296
2013. Vol.(11). № 2. Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Dr. Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Krasnodar, Russia
Dr. Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia
Dr. Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russia

Website: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.10.13.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 201.

History and Historians in the Context of the Time

2013

№

2

Издается с 2003 г. ISSN 2078-1296
2013. № 2 (11). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Колесник Ирина – Институт истории Украины НАН Украины, Киев, Украина
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Рожков Александр – Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Януш Сергей – Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.10.13.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 201.

CONTENTS

Evolution of Worldview and Political Positions of the Senior Elite during Cossack Wars with Poland in 20-40s of the XVII Century Melnichuk I.A.	68
Kharkiv Locomotive Plant Establishment as a Prerequisite of Ukrainian Tractor Construction Development (Late XIX – 20s of the XX Century) Krivokon A.G.	74
Culture of Reading in Everyday Life of South-Russian Peasantry in 1920s Bagdasaryan S.D.	80
High Humanistic Directivity of Russian Patriotic Idea Yanush S.V., Linets S.I.	92
Soviet-German Relations in 1940–1941 Urushadze A.T.	98
Testimonies of Frontline Concerts of 1941-1945 by Actors and Audiences Tazhidinova I.G.	108

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 94

Evolution of Worldview and Political Positions of the Senior Elite during Cossack Wars with Poland in 20-40s of the XVII Century

Igor A. Melnichuk

Zhytomyr National University of Agriculture and Ecology, Ukraine
8, Old Lane, 10002, Zhitomir
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Abstract. The article analyses the reasons and consequences of gradual evolution of worldview and political positions of the senior elite in the course of wars between Zaporozhian Army and Poland in 20-40s of the XVII century from the self-identification as a special social group and military caste within Polish-Lithuanian Commonwealth till understanding of their liberation mission and formation of autonomous ideology and politics.

Keywords: senior elite; Cossack Wars; autonomy; political positions; worldview.

Введение. В российской, украинской, польской, турецкой историографии, касающейся проблематики украинского казачества, менее всего изученными выглядят предпосылки глобальных изменений на геополитическом пространстве, включавшем в XVII в. земли Украины и степи Приазовья-Причерноморья, вызванные серией казацких войн с Польшей 20–40-х гг. XVII в. Ещё меньше внимания уделяется исследованию эволюции мировоззренческих и политических позиций казацкой старшины в ходе этих войн, которая привела к формированию у казацкой элиты концепции автономизма украинских земель – в данном контексте можно вспомнить лишь о работах украинских историков И. Иванцова, Ю. Мыщика, С. Смолия, С. Степаненко, В. Сергийчука, Н. Яковенко, польского автора К. Петкевича. Именно поэтому раскрытие означенной проблематики мы обозначаем как цель статьи.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе архивных материалов, трудов украинских и российских историков с использованием методов обобщения, экстраполяции, историко-политического анализа.

Обсуждение. Результаты деятельности в первые десятилетия XVII в. казацких элит и гетмана П. Сагайдачного по реформированию структуры Войска Запорожского и превращению его в профессиональную армию вызвали беспокойство в высших политических и религиозных кругах Речи Посполитой. Особенно – в религиозных, ведь казачество, в этот период взяв на себя ответственность за судьбу украинского православия, на официальном уровне добавило фактор веры к экономическим и сословным причинам противостояния с польскими властями. Полоцкий униатский митрополит Й. Кунцевич в 1622 г., предостерегая польское правительство от необдуманного использования казацкого оружия, прозорливо предвидел, что «они позднее, пренебрегши Богом, его помазаником [королем] и собственной совестью, решатся на еще большие дела, нежели решился Наливайко» [1, с. 184] (Пер. авт.).

Казацкие элиты в 20–40 гг. XVII в. и не могли поступить иначе – фактов религиозных гонений на Православную Церковь и веру в Речи Посполитой в то время накопилось более

чем достаточно. Многие православные не выдерживали экономического и религиозного давления и целыми сёлами шли на Запорожье или бежали в пределы Русского государства. В 1630–1640-е гг. из Украины от гонения поляков на православную веру в Россию переселились два монастыря – Густинский и Ладынский [2, с. 22].

Кроме того, самостоятельная дипломатическая политика Сечи не просто раздражала польские правящие элиты, а зачастую шла вразрез с государственной внешнеполитической позицией Речи Посполитой. Казацкая старшина по-прежнему считала своим неотъемлемым правом заключать на выгодных условиях временные союзнические соглашения с Москвой и Крымом – это был привычный старинный способ добывания «казацкого хлеба». Крымские ханы и до того привлекали казацкие подразделения к своей борьбе с Буджацкой ордой, но прямое вмешательство Запорожья во внутреннюю крымскую распрю между двумя Гиреями – Саадатом и Шагином на стороне последнего переполнило чашу терпения польских властей. Казацкая старшинская элита положительно восприняла как политические трудности Крыма, так и возможность влиять на крымские события, и откликнулась на просьбу Шагин-Гирея о помощи. В декабре 1624 г. с Шагин-Гиреем был подписан прямой договор о союзе с Сечью, причем хан полностью проигнорировал Польшу и обратился к Запорожью как к отдельному независимому государству [1, с. 184].

Последней каплей стала фактическая угроза срыва казаками выстраданного Польшей мира с Турцией. Казацкая старшинская элита, поддержанная низами казачества, справедливо считала борьбу с османской угрозой главным направлением военных усилий, и в течение 1625 г. осуществила три масштабные агрессии на берега Босфора. В ответ турки снова угрожали Польше войной. На гневное письмо, который привез королевский посланец из Варшавы, «запорожцы вызывающе подчеркнули, что им известно о соглашении короля с султаном, но казаки с султаном соглашения не заключали» [1, с. 185]. В ответ Варшава двинула на Сечь регулярные войска.

Хрупкий мир между радикально настроенной частью старшинской элиты, выражавшей интересы грозной казацко-крестьянской массы и польскими властными «ястребами», доминировавшими в Сейме, взлелеянный длительными усилиями и дипломатическим талантом П. Сагайдачного, моментально рухнул.

Навстречу армии коронного гетмана Конецпольского сечевиков вывел казацкий гетман М. Жмайло. На 1625 г. казаков в целом насчитывалось 30 тыс. [3, с. 188], но многие подразделения несли службу по городам, в степных сторожах и засадах, часть отправилась в привычный морской поход, потому гетман вел сечевиков вглубь Украины, где к нему спешили городские полки. В ходе ряда сражений и польские, и казацкие войска были обескровлены – казаки оставили на поле боя 8 тыс. человек, Конецпольский потерял всю конницу, лучшие рыцарские силы и нескольких офицеров [3, с. 188], кроме того, начиналась зима, и польское войско оставалось в степи без лошадей и обозов.

Тяжелое положение обеих сторон заставило их пойти на переговоры, которые, по нашему мнению, выиграны были польской делегацией (возможно, это и послужило причиной избрания под Куруковым гетманом вместо М. Жмайло М. Дорошенко, «казака из школы Сагайдачного» [3, с. 190]). На Куруковских переговорах Польша вернулась к старой идее набора государством казацкого реестра, чего успешно избегал П. Сагайдачный. Старшине было предложено заключить реестр только в 6 тыс., из которой 1 тыс. Должна была нести службу в качестве гарнизона на Сечи, а другие размещались полками в Каневе, Черкассах, Корсуни, Белой Церкви и других пограничных городах. Старшина согласилась, чем заложила, по сути, заряд взрывчатки и подказацкое единство, и под покой Речи Посполитой на десятилетия вперед. Столь незначительный реестр никоим образом не мог вместить всего профессионального казацкого войска.

Верный последователь своего учителя, талантливый организатор и военный деятель, М. Дорошенко вписал в реестр лишь опору покойного гетмана – «значительных», «степенных» зажиточных казаков, имевших земли и большое хозяйство. Эти люди и прежде желали спокойных лет, когда можно заниматься хлеборобским трудом, и не хотели конфликта с польскими властями. В будущем они нередко присоединялись к походам запорожцев на Турцию и Крым, но на борьбу с поляками поднимались лишь в случае, когда затрагивались их права и вольности или во время больших казацких восстаний – в эти минуты все казачество чувствовало единство судьбы и тревогу за Украину.

Все остальные казаки были объявлены «выпищиками», их лишали привилегий казацкого сословия и фактически уравнивали в правах с крестьянами и мещанами. Это не могло не возмутить казацкую массу – вне реестра остались тысячи заслуженных профессиональных воинов, много богатой старшины, десятки молодых отчаянных казацких лидеров. Большая часть этих людей в тот момент решила избрать не крестьянский или мещанский, а привычный свободный казацкий путь и ушла в степи Запорожья. И. Крипякевич по этому поводу отметил: «Запорожье опять зароилось от людей, Сечь снова выбилась в силу, набрала значения, стала центром независимого казачества. Небольшая залога (гарнизон – авт.) реестровых, стоявшая на коше, не могла дать им толку. Впрочем, и реестровые сочувствовали своим недавним товарищам» [3, с. 191] (Пер. авт.).

По нашему мнению, очередная попытка польских властных элит посредством директивных решений приглушить свободолобивую инициативу казачества привела к противоположным результатам. Казацкие настроения приобрели выраженную антипольскую окраску. Рядовая казацкая масса, которую составляли выходцы из социальных низов, дышала с народом одним воздухом и думала синхронно с ним. Быстро выделилась и заняла ведущие позиции в казацкой среде новая патриотическая старшинская элита (державшаяся до этого в тени последователей мирных отношений с Польшей), которая главной задачей казачества видела освобождения Украины от социального, национального и религиозного гнета.

Как и ранее, состав элиты пополняли потомки небогатых шляхетских семей, родители которых в условиях чужеземного пресса сохранили родной язык, украинские национальные традиции. На Сечи появилась украинская молодежь из шляхты, которая имела хорошее «братское», а иногда и университетское образование. Бок о бок с нею стояла старшина из казацких низов, закаленная, авторитетная и патриотически настроенная. Такая Сечь, вопреки польским планам, не падала, а расцветала. Не за горами были и вооруженные выступления, которые дали выход освободительной энергии.

Мир Польши с Сечью длился 5 лет – в этот период Запорожье набирало силу и военную потенцию в привычных морских и пеших походах на Крым. В 1625–1628 гг. в этих кампаниях особенно отличился гетман М. Дорошенко, который водил в них реестровых казаков вместе с «выпищиками». Идя, по своему обычаю, впереди войска, М. Дорошенко погиб от вражеской пули под Бахчисараем.

Толчком к молниеносному развитию новых освободительных повстанческих выступлений Запорожья стало возобновление польско-шведской войны 1626–1629 гг., повлекшее за собой увеличение казацкого реестра. Опять в него вошли не все, вспыхнули старые обиды, кристаллизовалась главная текущая цель запорожской старшинской элиты – вернуть военные привилегии и вольности всему казачеству, сделать центром его Сечь, а не волости, вообще отменить королевский реестр [3, с. 191], вносящий раздор в казацкую семью. Вслед за первоочередными задачами на горизонте теперь вырисовалась цель политическая, освободительная. Казацкие восстания, перераставшие в полномасштабные народные войны, шли в 30–40 гг. XVII в. почти непрерывной цепью.

В марте 1630 г. началась война с Польшей 10 тыс. казаков под предводительством гетмана Т. Трясило. Впервые в практике казацких старшинских элит гетман обратился с универсалами не только к действующим казакам, а призывал «всех, кто был когда-либо казаком и кто хочет им стать сражаться за веру и давние вольности» [1, с. 185]. В следующем универсале цели казачества трактовались уже с широких политических позиций: Т. Трясило «написал Украине и остальной Руси всей, чтобы все, кто веры греческой, шли к Войску Запорожскому и защищались против ляхов» [4, с. 29]. Призывы упали на подготовленную почву – откликнулись и «выпищики», и «показаченные» крестьяне и мещане. При подходе к Корсуню на сторону запорожцев перешли реестровцы города. Противостояние с правительственными войсками продолжалось больше месяца, три недели шли ожесточенные бои, но закончилось оно ничем – 8 июня в Переяславе подписан был мир и амнистия казакам.

В 1632–1634 гг. Польша вела очередную войну с Россией, король Владислав вновь распорядился расширить реестр, и более 20 тыс. казаков помогли Речи Посполитой вернуть Смоленск, Новгород-Северскую и Черниговскую земли. Однако Сечь продолжала кипеть, антипольские настроения как среди элит, так и в рядовом казачестве росли. Наряду

снеутомимым Т. Трясило появились другие лидеры, которые ждали повода и момента для следующих восстаний.

В этот период стал развенчиваться казацкий миф о «добром короле». Польские властные элиты вот уже на протяжении долгих семидесяти лет никак не могли серьезно воспринять политических и религиозных требований элит казацких. Теперь же в сознании казачества произошел важный перелом, на который первыми обратили внимание В.А. Смолий и В.С. Степанков: казаки окончательно убедились, что «властитель Речи Посполитой является собственно польским, а не украинским / русским королем, а следовательно верная служба ему возможна только при принесения королевской присяги соблюдения «прав и вольностей русского народа» [5, с. 237].

Нам кажется, что процесс переосмысления старшинской элитой своего места в политической системе польско-литовского государства, и самой целесообразности пребывания в нём Украины, завершился на Сейме 1632 г., который, с нашей точки зрения, стал решающей точкой мировоззренческого поворота в сознании казачества. Добиваясь на этом Сейме уравнивания своих прав со шляхтой, старшинские элиты выдвинули предложение о предоставлении им права от имени Войска Запорожского участвовать в избрании короля. Но старшинских послов попросту высмеяли, а затем и «раскритиковали за то, что казаки посмели назваться «такими же членами Речи Посполитой», как шляхта и «сильно обругали» за стремление к участию в элекции» [6, с. 142-144; 150]. Стало окончательно ясно, что в польском государстве при существующих политических традициях и системе власти, казачество как самостоятельная политическая сила перспектив не имело.

Казацкая военно-политическая элита издавна воспринимала Запорожье и контролируемые им территории как своеобразное общее достояние, которое стало для каждого казака дорогим и родным местом настоящей свободы и воли – «Казацкой Украиной». Её они честно завоевали саблём, собственной кровью и заслугами, – поэтому так остро реагировало казачество на попытки Польши установить собственные порядки на Поднепровье.

С начала века Запорожскую Сечь большинство соседей дальних и ближних воспринимали как отдельное государство. Так оно, де-факто и было: стараниями многих поколений казацкой элиты Сечь нарастила большинство атрибутов государства: собственную территорию, границы, армию, право, дипломатию и место в международной системе отношений. Глубинные же её атрибуты – национальный язык, культура и религия служили казачеству опорой всегда. Украинские интеллектуалы вооружили военно-политическую элиту национальной идеологией, патриотической по своей сути, восходящей корнями к славным киеворусским временам. Однако польские правящие круги упорно не принимали реальную картину вещей: с точки зрения идеологов и исполнителей имперской программы Польши украинские земли были стратегически важными «кресовыми» (пограничными) территориями и не менее важным экономическим активом.

Почувствовав опасность новых восстаний, в 1335 г. Сейм принял в отношении казачества новую жесткую резолюцию и ввел на Поднепровье «кварцяные» войска. Для контроля над Сечью молниеносно была построена польская крепость Кодак над первым из Днепровских порогов, которую вскоре так же молниеносно уничтожил, возвращаясь из похода, Иван Сулима: запорожцы прекрасно поняли символику этого правительственного жеста. Отряд И. Сулимы был оцеплен, запорожцев заставили выдать старшину. Руководители акции были четвертованы в Варшаве. Павел Бут, по просьбе коронного канцлера Т. Замойского [1, с. 187], учитывая прошлые заслуги перед Короной, был помилован. Он выжил, но головы не склонил.

В июле 1637 г. Войсковая рада избирает П. Бута (Павлюка) гетманом, и он поднимает новое восстание. На этот раз реестровое казачество осталось верным присяге, выступив на стороне королевских войск под руководством коронного гетмана Н. Потоцкого. Казаки имели значительные (23 тыс.), однако слабо вооруженные силы, всего 8 орудий, но чрезвычайно высокий боевой дух. Судя по тому, что часть шла в бой с «самопалами, другие же имели только рогатины, косы, топоры» [3, с. 196], к сечевикам присоединились и крестьяне. Восстание в схватке с регулярной польской армией, в которой преобладали конные драгуны при поддержке артиллерийского полка, перспектив не имело. Выступление было жестоко подавлено, казацкие силы рассеяны, вожди восстания Томиленко и Бут

казнены. Та же участь постигла и последующие попытки казаков доказать свое право на существование – а вопрос в этой войне стоял теперь именно так, – вооруженных антипольских выступлений гетманов Д. Гуни, Я. Острянина, полковников К. Скидана и Б. Кизима, действовавших отдельными повстанческими отрядами.

Следует отметить, что жертвы мощной волны казацких восстаний 30–40 гг. XVII в. не пропали напрасно, положив начало следующему этапу эволюции мировоззренческих позиций казацких властных элит. В процессе ряда кровавых войн с Польшей они поднялись над проблематикой узко сословных интересов, чисто казацкой судьбы и будущего Казацкой Украины, выйдя на новый уровень понимания того, что дело идет о выживании нации.

Эволюция политических позиций – от сословных требований к национально-освободительным, иллюстрируется достаточно отчетливо.

К примеру, в октябре 1637 г. полковник К. Скидан титуловался «опекуном всей Украины» [7, л. 326] и в одном из универсалов обращался не только к казакам («обществу нашему»), но и ко всем «посполитым людям» [7, л. 327] – на этот факт также впервые обратили внимание авторы «Истории украинского казачества» В.А. Смолий и В.С. Степанков [5, с. 234]. По утверждению И. Иванцова, Д. Гуня (Павлюк) в письме от 9 июля 1637 г. высказал «мысль о свободной и отдельной жизни казачества (это значит, и крестьянства, ибо Павлюк реестра не признавал, а считал казаками все население, которое скапливалось вокруг Запорожья)» [8, с. 109-110; 5, с. 234] (Пер. авт.). В письме к коронному гетману С. Конецпольскому Д. Гуня и другие руководители восстания среди основных его причин назвали «тяжкий плач и стон бедных людей ...» [7, л. 312]. Свобода Украины на этом, начальном этапе борьбы виделась казацким вождям в обретении широкой автономии в составе Польско-Литовского государства.

Эту перемену в сознании старшинской элиты четко уловил коронный гетман С. Потоцкий, проводивший переговоры по итогам восстаний с созванной по этой причине казацкой Радой в урочище Маслов Став. Можем предположить, что не без политического влияния Н. Потоцкого в Сейме и его тревожных писем королю [9, с. 15] и родилась знаменитая «Ординация» 1638 г. Этим постановлением Польша официально поставила Сечь вне закона и, развернув волну кровавых репрессий, таким образом раз и навсегда надеялась закрыть «казацкий вопрос».

Но прошло незначительное по историческим меркам время – 10 лет, в течение которых Украина выдержала натиск жестокой реакции, и на политической арене появилась фигура Б. Хмельницкого, который поднял волну Освободительной войны украинского народа, которая не только в конечном итоге привела к исчезновению Речи Посполитой как государства, а и перекроила всю карту Европы.

Заключение. Таким образом, к середине XVII в. в среде казацкой старшинской элиты сформировалась концепция украинского государственного автономизма, с которой был прекрасно осведомлен вождь нового казацкого восстания Б. Хмельницкий – опытный и авторитетный в Запорожье лидер, который в свое время скреплял в качестве войскового писаря своей подписью Куруковский мир 1625 г. Эта концепция выражала уже не только интересы самого казачества, а отражала стремление народа – молодая украинская нация определенно подавала внутренние и внешние импульсы своим элитам к государственной организации.

Примечания:

1. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. / Н.М. Яковенко. Київ: Генеза, 1997. 380 с.
2. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. / Макарий // Книга VI. М., 1996.
3. Крип'якевич І. Запорозьке військо. / Історія українського війська. // Крип'якевич І., Гнатевич Б., Стефанів З. та ін. Львів: Світ, 1992. 712 с.
4. Мицик Ю. До історії повстання 1630 рр. // Пам'ять століть. К., 1997. №3. С. 29.
5. Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / Редкол.: В. А. Смолий (відп. ред.) та ін. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. Т. 1. 800 с.
6. Грушевський М. С. Історія України-Руси. / М.С. Грушевський // Т. VIII. Ч. I. С. 142–144, 150.
7. Історичні раритети НБУ. Ф. II. Спр. 13402. Арк. 312, 326, 327.

8. Іванцов І.О. Повстання українського народу проти шляхетської Польщі. 1635–1638 рр. / І. О. Іванцов. К.:Академперіодика, 2002. С. 85-214.

9. Воссоединение Украины с Россией: Док. и материалы: В 3 т. Т. 2: 1648–1651 / АН СССР. Институт истории; АН УССР. Институт истории; Редкол.: П. П. Гудзенко и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 559 с.

References:

1. Yakovenko N. The outline of the history of Ukraine from the ancient times till the end of the XVIII century. / N. M. Yakovenko. Kyiv: Geneza, 1997.

2. Makariy (Bulgakov). The history of Russian Church. / Makariy. Book VI. M., 1996.

3. Krypjiakievych I. Zaporozhska army. / The History of Ukrainian forces. // Krypjiakievych I., Gnatevych B., Stefaniv Z. and others. Lviv: Svit, 1992. 712 pages.

4. Mycyk Y. Before the history of rebellion 1630-ies. / Y. Mycyk // The memory of centuries. 1997. №3. P. 29.

5. The history of Ukrainian Cossacks: Outlines: in 2 Volumes. / Editorial staff: V.A. Smoliy and others. K.: Publishing house «Kyevo-Mogylyanska academy», 2006. V.I. 800 p.

6. Grushevsky M. S. The History of Ukraine-Rus. / M. S. Grushevsky. V.VIII. Part I. P. 142-144, 150.

7. Historical rarities of NBU. F.II. Spr.13402. Ark. 312, 326, 327.

8. Ivancov I.O. The rebellion of Ukrainian nation against Poland. 1635-1638-ies. / I.O. Ivancov. K.: Akademperiodyka, 2002. P. 85-214.

9. The reunification of Ukraine and Russia: Doc. and materials: V.II: 1648-1651 / AN USSR. The Institute of History; AN USSR. The Institute of History; Editorial staff: P.P. Gudzenko and others. M.: Publishing house AN USSR, 1953. 559 p.

УДК 94

Эволюция мировоззренческих и политических позиций старшинской элиты во время казацких войн с Польшей 20–40 гг. XVII в.

Игорь Анатольевич Мельничук

Житомирский национальный агроэкологический университет, Украина
10002, г. Житомир, Старый Бульвар, 8
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Аннотация. В статье проанализированы причины и последствия постепенной эволюции мировоззренческих и политических позиций старшинской элиты в ходе войн Войска Запорожского с Польшей в 20–40 гг. XVII в.: от позиционирования себя в качестве особой социальной группы и воинской касты в составе Речи Посполитой до осознания им своей освободительной миссии и формирования автономистской идеологии и политики.

Ключевые слова: старшинская элита; казацкие войны; автономия; политические позиции; мировоззрение.

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 93/94

Kharkiv Locomotive Plant Establishment as a Prerequisite of Ukrainian Tractor Construction Development (Late XIX – 20s of the XX Century)

Alexander G. Krivokon

National Technical University “Kharkiv Polytechnic Institute”, Ukraine

21 Frunze Str., Kharkiv 61001

PhD (Philosophy), Assistant Professor

E-mail: kryvokon@mail.ru

Abstract. The article studies the period of Kharkiv Locomotive Plant establishment till its transition to tractor construction in chronological context and from the position of Kharkiv Locomotive Plant place in the incipient process of the tractor construction development as an industry in the USSR. Organizational, technical, economic and general political analysis of the problem of tractor construction commencement at Kharkiv Locomotive Plant is presented.

Keywords: locomotive construction; tractor construction; industry.

Введение. В начале XX века в России сложилась ситуация дефицита товаров на душу населения, особенно продуктов металлургии и машиностроения. Отсталость России должна была быть преодолена, поэтому правительство поставило целью создать ряд крупных производств, в частности паровозостроения, которые в процессе последующей эволюции и под действием ряда экономических факторов перепрофилировались в тракторостроение.

Цель статьи – анализ исторического периода от создания Харьковского паровозостроительного завода до перехода его на производство тракторов в хронологическом контексте и в контексте места ХПЗ в начинающемся процессе создания тракторостроения как отрасли в СССР (организационно-технический анализ, технико-экономический анализ и анализ общегосударственной политики).

Материалы и методы. Исследованием исторических этапов развития машиностроения в России и тракторостроения в частности занималось достаточно мало ученых. Но среди известных имен следует упомянуть В.Т. Васильев, В.В. Будько, А.С. Эйштейн и др. Поскольку в литературных источниках проблема раскрывается не полно и несет в себе ряд противоречий, наиболее обширно представить эту тему позволяют нам данные из Государственного архива Харьковской области, на анализе которых и основывается эта статья.

Обсуждение. Несмотря на достаточно бурное развитие капитализма в Царской России и на предпринимаемые попытки выйти на уровень развитых стран Европы, страна в конце XIX и начала XX столетия существенно отставала от Германии, Франции, Англии, не говоря уже о США.

И дело было не только в том, что на душу населения производилось меньше металла, топлива, строительных материалов и другой продукции, но и в отсутствии целых отраслей индустрии, в том числе и собственного тракторостроения.

Отдельные выдающиеся достижения энтузиастов не только не получали государственной поддержки, но и оставались вне коммерческих интересов предпринимателей, которые вкладывали свои средства только в те отрасли и строили только

те предприятия, которые приносили «быстрый доход», то есть обеспечивали значительную прибыль буквально с начала их эксплуатации.

Для предпринимателей и банкиров, сколь образованы и прогрессивны они не были, было совершенно ясно, что в условиях помещичьего сельского хозяйства и громадной массы бедного крестьянства в стране, в те годы не было необходимого спроса на тракторы, что в условиях частного мелкотоварного производства крестьянин не сможет приобретать относительно дорогие средства механизации сельского хозяйства: тракторы, прицепные машины и орудия к ним, автомобили, комбайны, локомотивы и др.

Минимальный спрос крупных помещичьих хозяйств в тракторах и других технических средствах вполне успешно удовлетворялся экспортными поставками.

У царского правительства реально не могло быть программы кооперирования сельскохозяйственных производителей. Известно, что даже такие деятели, как Столыпин, в области сельского хозяйства делали ставку на развитие индивидуального сельхозпроизводителя, «справного» мужика, хуторянина.

Примером выборочного отношения банкиров и предпринимателей является строительство в городе Харькове одного из самых крупных и мощных в те годы паровозостроительного завода.

В 1895 году в Петербурге было основано Русское Паровозостроительное и Механическое акционерное общество (РПиМО) [1] с капиталом в 3,5 млн рублей золотом. Его учредителями стали А.С. Прохоров – купец 1-й гильдии, директор Петербургского биржевого комитета, А.И. Мураний – купец 1-й гильдии, директор Петербургского частного коммерческого банка, и владелец машиностроительных заводов во Франции Р. Буэ.

С момента создания общество тесно сотрудничало с правительством. Устав его был утвержден Указом Сената России от 5 июля 1895 года. Общество сразу же получило правительственный заказ на изготовление 480 товарных 8-колесных паровозов в течение 6 лет, начиная с 1897 года. Таким образом, была гарантирована на много лет вперед загрузка предприятия и устойчивый сбыт продукции.

Уже в августе 1895 года Русское Паровозостроительное и Механическое акционерное общество приняло решение о строительстве завода для производства паровозов и различных частей к ним.

Это решение полностью отвечало целям создания общества. 0020с В первом параграфе Устава было записано: «Для построения в России паровозов и железнодорожных принадлежностей, всякого рода машин и их частей, потребных для судостроения, а также с целью добычи, выплавки и обработки всякого рода металлов и приготовления из них изделий...».

Таким образом, учредители чутко уловили сложившиеся в стране в конце XIX века тенденции промышленного объема и особую потребность в развитии железнодорожного транспорта, что в сочетании обещало на долгие годы стабильный рынок Совета продукции и высокие доходы.

Известно, что за десятилетие (1890–1900 гг.) в стране было положено до 22,5 тысяч километров новых железнодорожных путей. К 1900 году железнодорожная сеть на Украине достигла 10750 км при общероссийской 54790 км, или почти пятую часть.

Интенсивное железнодорожное строительство требовало ежегодного производства 1,76 млн тонн рельсов, выпуска не менее 1000 паровозов, 1300 пассажирских и 25000 товарных вагонов [1].

Если ранее центр промышленного развития России был на Урале, то в конце века он переместился на Юг страны, преимущественно в Украину. Здесь интенсивно создавался так называемый «Южный регион горнопромышленности».

Предпринимателям удалось навязать государству протекционистскую политику, в соответствии с которой всем железнодорожным компаниям и обществам страны было предписано приобретать подвижной состав для железных дорог исключительно отечественного производства. Это ограждало российские паровозостроительные заводы от иностранных конкурентов и обеспечивало им наиболее благоприятные условия хозяйственной деятельности.

Выбор Харькова для строительства паровозостроительного завода был, разумеется, не случайным. Во-первых, он уже в те годы был крупным торгово-ремесленным центром с

большим железнодорожным узлом. Благодаря разветвленной сети железных дорог он был надежно связан как со всеми основными регионами, так и с зарубежьем. Город географически был близок как к центральной части России, так и к Криворожско-Донецкому бассейну, Приднепровью и к Южным морским портам, таким образом, город находился в сосредоточении сырьевой, металлургической и потребительской баз. Уже были построены и успешно работали многочисленные средние и мелкие заводы и фабрики, сложился рабочий класс с прослойкой квалифицированных рабочих. В Харькове был университет и известный в стране технологический (будущий Политехнический) институт, в котором была сильная и хорошо укомплектованная специалистами и учеными кафедра «Паровозы», на которой можно было организовать подготовку молодых специалистов и из которой можно было черпать уже сложившиеся кадры.

Кроме того, в городе объективно сложилась достаточно развитая прослойка интеллигенции, среди которой были специалисты самых разных профессий: экономисты, металлурги, станкостроители, моторостроители, теплоэлектротехники, управленцы, техники, служащие.

Город имел на окраинах значительные по площадям свободные и относительно ровные площади, удобные для застройки и прокладки транспортных коммуникаций.

Рядом с ним уже существовали товарные станции со складскими помещениями.

Именно рядом с одной из них – станцией Балашевка общества юго-Восточных железных дорог – и был выбран участок под строительство завода, расположенный относительно недалеко от центра города и имевший подъездные пути в виде мощеных камнем дорог.

К ноябрю 1895 года все формальности были утрясены и на площадке развернулось строительство литейного, модельного, паровозосборочного, кузнечного и котельного цехов, а также собственной электростанции, главной конторы, дома директора завода со всеми необходимыми подсобными помещениями, двадцатичетырехквартирного дома для начальников цехов, отделов и старших мастеров, двух трехэтажных домов для приглашенных технических специалистов, общежития для 100 холостых рабочих завода и проходной конторы.

По тем временам размах строительства был значительным. На площадке одновременно работало свыше 1700 строителей. Работы велись практически безостановочно, круглогодично.

Вот почему уже в ноябре 1897 года, то есть спустя два года, на заседании правления было принято официальное решение о пуске завода с 01.11.1897 года.

При этом в решении была ссылка на наличие к тому времени договора с Управлением казенных железных дорог от 31.07.1895 года на ежегодный выпуск 150 паровозов (независимо от производства машиноорудий на сумму до 1 млн. рублей) [1].

С самого начала на заводе развивались два основных направления деятельности: паровозостроительное и машиностроительное.

По мере объективно возникающей потребности и при наличии крупных заказов троились новые цеха и организовывались другие производства.

В 1903 году были построены медницкий и снарядный цеха, в 1911–1912 гг. – тепловой (для производства двигателей), сельскохозяйственных орудий, плужный. В 1914 году цех сельскохозяйственных орудий перестроили под вагонный. В 1916 году появились сталелитейный и болтовой цеха.

Так как в годы Первой Мировой войны, Гражданской войны, иностранной интервенции боевые действия, в основном, перекатывались по Украине и другим южным регионам, то завод был сильно разрушен. Коллективу завода пришлось пережить 7 смен власти, две эвакуации вглубь страны, потерю значительной части рабочих и специалистов.

Когда 11 декабря 1919 года войска Деникина под давлением наступивших советских войск окончательно покинули Харьков, они угнали с завода все готовые паровозы и вагоны, часть станков, сырья и топлива. Вместе с деникинцами отступили директор завода, его помощники, управляющий, некоторые начальники цехов (всего 21 человек) и даже 12 мастеров и рабочих.

С марта 1919 года декретом Совнаркома РСФСР Русское Паровозостроительное и Механическое акционерное общество было лишено прав собственности, а ХПЗ был

национализирован. Его передали в ведение государственного объединения машиностроительных заводов (ГОМЗ ВСНХ).

После изгнания армии Деникина 16.01.1920 года была утверждена временная коллегия заводууправления ХПЗ. Именно она и приступила к учету сохранившихся материальных ценностей, сырья, топлива; получению первых заказов, ремонту оборудования, подбору и расстановке кадров. Так как в первые годы Советской власти, а особенно на начальном периоде военного коммунизма завод практически не получал никакой материальной помощи, кроме продовольственной, то именно коллегия заводууправления занималась всеми сторонами производственно-хозяйственной деятельности: изыскивала внутренние резервы, осуществляли жесткую экономию энергетических, сырьевых и материальных ресурсов, боролась с опозданиями и прогулами, занималась повышением производительности труда на отдельных рабочих местах, боролась с практикой изготовления на станках в рабочее время изделий для личных нужд и продажи (обмена), а, пожалуй, главное – пыталась разработать первые перспективные планы развития завода на длительный период.

24.05.1922 года коллегия заводууправления ХПЗ была расформирована. В промышленности Советская власть была вынуждена вернуться к принципу единоначалия. Был назначен первый советский управляющий (директор) – Сергей Васильевич Файер, который с 14 октября 1920 года до момента назначения был руководителем временной коллегии заводууправления и проявил себя опытным инженером и руководителем.

Именно в 1922 году завод вошел в состав Южного машиностроительного треста, г. Харьков (ЮМТ).

В ноябре 1922 года на завод поступила телеграмма ЮМТа о присвоении заводу в память пятилетней годовщины Октябрьской революции имени Коминтерна.

В течение 1917–1931 гг. паровозостроение всегда играло важную роль в производственных программах завода. Во время Первой Мировой войны и последующей гражданской на территории России до 60 % паровозов было выведено из строя, а вагонов – до 30 %.

Поэтому, в 1917–1920 гг. ХПЗ проводил индустриальными методами ремонт паровозов и вагонов, а в 1921–1922 гг. освоил выпуск грузовых паровозов серии Э.

В 1923 году доля изготовления новых паровозов составляла в производственной программе 47,7 % [1], но из-за резкого недостатка оборудования, оборотных средств, средств на капитальное строительство, нехватки квалифицированных кадров завод долго и мучительно восстанавливал свой промышленный и производственный потенциал.

В Материалах государственного архива Харьковской области [2, 3] содержатся сведения о восстановительном процессе, реально начатом целенаправленно в 1922 году. Годом перелома и выхода на достигнутые заводом в 1913–1914 гг. объемы производства стал только 1925–1926 операционный год.

В докладе технического директора (главного инженера) завода И.Е. Аппака [3] приведены следующие цифровые показатели.

Таблица 1

Отчетный период	Выпуск в довоенных рублях	Выпуск в червонных рублях	Выпуск продукции на 1 фактически занятого рабочего, в дов. руб./мес
1913	6.237.062	-	160-40 за 1913-1914 опер.год
Октябрь 1922- сент. 1923	3.264.556	Нет данных	Нет данных
-//- 1923 - -//- 1924	3.319.681	5.530.244	Нет данных
-//- 1924 - -//- 1925	3.647.774	5.520.403	105-03
-//- 1925 - -//- 1926	6.470.080	10.250.423	148-56
-//- 1926 - -//- 1927	Не приведен	Не приведен	169-92 за первые 5 мес.

Таким образом, довоенный уровень по валовому объему был превзойден в 1925/26 операционном году, а по производительности – в 1926/27 году.

Столь трудный восстановительный период стал следствием общей разрухи в стране, а также допущенных большевиками серьезных ошибок в разрушении в первые годы советской власти денежно-товарных отношений, когда по существу была ликвидирована торговля, кроме мелкой, пригородной, а применялся принцип распределения продукции. Только введение НЭПа в стране позволило вернуться к нормальным производственным отношениям, хотя произошло это далеко не сразу.

Поэтому, не получая от государства или треста необходимой поддержки, заводские специалисты с 1922 года активно искали, какой перспективной продукцией, кроме паровозостроения, можно загрузить завод на долгие годы.

Выбор был сделан в пользу гусеничного паровозостроения с учетом накопленного заводом опыта ремонта бронетехники и наличия интереса военного ведомства в лице артиллерийского управления Рабоче-крестьянской Красной Армии в систематическом поступлении достаточно мощных по тем временам гусеничных тракторов отечественного производства.

Результаты. Несмотря на бурное развитие капитализма в России в конце XIX и начале XX столетия страна существенно отставала по уровню промышленного развития от передовых капиталистических государств. В эти годы интенсивно развивались отдельные отрасли, например, паровозостроение, поскольку оно обещало получение значительной и устойчивой прибыли.

Для развития тракторостроения еще не были созданы необходимые условия. Среди наиболее современных заводов, построенных в конце XIX века, был Харьковский Паровозостроительный, который не только строил паровозы, но и развивал общее машиностроение. Выбор Харькова для строительства завода не был случайным.

Заключение. Поскольку завод сильно пострадал в годы Первой мировой и Гражданской войн, а также в период иностранной интервенции, возрождение производства на ХПЗ шло крайне трудно и медленно, чему было немало причин, в том числе и связанных с политикой военного коммунизма и разрушения денежно-товарных отношений.

Только с введением НЭПа появились реальные возможности возрождения производства на ХПЗ. А к 1925/26 операционному году ХПЗ вышел на довоенный уровень. Возрождению завода способствовало создание на ХПЗ новых производств, в том числе и тракторостроения.

Примечания:

1. Авторский коллектив под А.С. Эйштейна – ХПЗ – завод им. Малышева. 1895-1995. Краткая история развития. Харьков, «Прапор», 1995. 704 с.
2. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р. - 1010. Оп. 1. Папка №787 «Протоколы заседаний инженерной секции профсоюза «Металлист».
3. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р. - 1010. Оп. 1. Папка №1088 «О состоянии тракторостроения на ХПЗ. Из доклада о работе ХПЗ за 1923-1926 гг.».

References:

1. Avtorskii kollektiv pod A.S. Eishteina – KhPZ – zavod im. Malysheva. 1895-1995. Kratkaya istoriya razvitiya. Khar'kov, «Prapor», 1995. 704 s.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Khar'kovskoi oblasti. F. R. - 1010. Op. 1. Papka №787 «Protokoly zasedanii inzhenernoi sektsii profsoyuza «Metallist».
3. Gosudarstvennyi arkhiv Khar'kovskoi oblasti. F. R. - 1010. Op. 1. Papka №1088 «O sostoyanii traktorostroeniya na KhPZ. Iz doklada o rabote KhPZ za 1923-1926 gg.».

УДК 93/94

**Становление Харьковского паровозостроительного завода
как предпосылка развития тракторостроения на Украине
(период конца XIX – 20-х годов XX-го столетия)**

Александр Григорьевич Кривоконь

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»,
Украина
61002, г. Харьков, ул. Фрунзе, 21
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: kryvokon@mail.ru

Аннотация. Данная статья анализирует период от создания Харьковского паровозостроительного завода до перехода его на производство тракторов в хронологическом контексте и в контексте места ХПЗ в начинающемся процессе создания тракторостроения как отрасли в СССР. Кроме того подан организационно-технический, экономический и общеполитический анализ проблемы возникновения тракторостроения на ХПЗ.

Ключевые слова: паровозостроение; тракторостроение; промышленность.

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 94/47

Culture of Reading in Everyday Life of South-Russian Peasantry in 1920s

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation

PhD (History), Assistant Professor

E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract. The paper considers the aspects of state Soviet policy of new peasant everyday culture, based on the development of book culture in terms of war against illiteracy of rural population of the south of Russia, analyses the means and ways of cultural revolution events execution in rural society, results of state policy of new Soviet society development.

Keywords: Soviet culture; cultural revolution; elimination of illiteracy; everyday life; leisure; book revelation.

Введение. Повседневная культура крестьянства основывалась на традиционных формах патриархального уклада быта, досуга, праздников, несла в себе соблюдение обычаев, культурных парадигм этнической принадлежности. Неорганическая модернизация 1917–1920-х годов ворвалась в крестьянский мир крушением религиозных устоев, новой идеологией повседневности, изменением социальных статусов и социальных ролей, которые в общинном крестьянском укладе имели глубокие, исконные корни.

Книжная революция – это коренной переворот крестьянского мира. Советская пресса тех лет отмечала: «рядом с религиозностью, верой в колдовство и старую обрядность», возникали и распространялись «новые своеобразные формы быта» [1]. Очевидно, это и результат последовательных мероприятий советской власти, но и стремления самого сельского социума к модернизации повседневной жизни, неотъемлемым компонентом которой являлись способы праздного времяпрепровождения [2]. Этот компонент позволяет нам исследовать особенности новаций в досуге сельских жителей Дона, Кубани, Ставрополя в 1920-х гг.

Материалы и методы. Основой статьи послужил различный источниковедческий материал: нарративные источники, периодическая печать, архивные, статистические и нормативно-правовые материалы 1917–1920-х годов. Историческая ретроспектива позволяет произвести анализ процессов культурной модернизации крестьянского традиционного социума в условиях формирования советского мира. С этой целью применялись методы: сравнительно-исторический, статистический, логический и многие другие.

Обсуждение. Развитие культуры чтения стала идеологическим основанием построения советской властью наполнения повседневности рабочего и крестьянина. Несомненно, книга как элемент сельского досуга не являлась изобретением советской власти. Исторический вклад советского государства в борьбе с неграмотностью и целенаправленным насаждением культуры чтения и в городе, и в деревне невозможно умалить, особенно в условиях низкого благосостояния населения, потребностей в новых формах времяпровождения.

Формирование системы народного образования стало основанием эффективности мер по преодолению неграмотности в доколхозных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. От этого напрямую зависело развитие культуры чтения книг, периодических изданий в сельском досуге на Юге России.

Нормативно-правовым основанием послужил декрет Совета Народных комиссаров «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Советская статистика отчитывалась к 1927 г., что в целом по РСФСР прошли обучение в системе ликбеза и получили азы образования около 6 млн человек [3]. Борьба с безграмотностью стала немаловажным фактором политической компани советской власти. Подтверждением служит письмо от 20 января 1921 г. В.И. Ленина к рабочим, служащим и коммунистам станции Пролетарская Владикавказской железной дороги, в котором вождь РКП(б), поблагодарив коллектив станции за присланное «трудящимся города Москвы» продовольствие, рекомендовал «...обратить большее внимание на культурно-просветительное и школьное дело» [4].

Программа борьбы с неграмотностью населения в сельской местности, в основе своей глубоко патриархальной и традиционной в своих взглядах становилась социально-политической задачей государственной власти по формированию последующих основ социалистических преобразований: «социализм невозможен без подъема культуры населения... Основная цель культурной революции – выработка социалистического сознания, воспитание человека новой эпохи» [5].

Программные установки по борьбе с неграмотностью стали необходимой предпосылкой для распространения в сельском социуме такой формы досуга, как чтение периодики и литературы. Советская пропагандистская машина рассматривала появление в деревнях, селах и хуторах периодических изданий, как средство политико-идеологической борьбы по укреплению нового режима. Показательно, что руководство Юго-Восточного края в циркулярном письме от 30 мая 1921 г., посвященном борьбе с бандитизмом, требовало от всех областных и губернских комитетов компартии: «пустите в деревню максимум газет, листовок и плакатов» [6] с целью повышения эффективности пропагандистской работы. В относительно спокойные годы нэпа печать по-прежнему понималась большевиками, прежде всего как средство агитации и пропаганды, нацеленное на политическое воспитание населения, в том числе и крестьян (как говорили по этому поводу члены Терского окружкома ВКП(б) весной 1926 г., «крестьянин политически вырос, он читает газету...» [7]). С другой стороны, периодика и литература могли быть политически действенны только в социуме с достаточно высоким уровнем образования, ибо «неграмотный человек находится вне политики» [8]. В итоге, борьба с неграмотностью и снабжение деревни печатной продукцией превращались во взаимообусловленные процессы.

В годы Гражданской войны и в условиях перехода к нэпу советская печать испытывала вполне понятные трудности, что соответствующим образом сказывалось как на количестве, так и на качестве периодики и литературы. В 1921 г. даже центральные периодические издания, – газеты «Правда» и «Известия», – имели тираж не более 600 тыс. экземпляров [9]. В этих условиях тираж издававшейся в Ставрополе в 1920 г. газеты «Серп и молот», – от 300 до 1 тыс. экземпляров, – кажется довольно солидным [10].

В период нэпа советская полиграфия получила возможности для развития, что привело к увеличению тиражей и наименований изданий. В 1925 г. в СССР насчитывалось 1 120 газет и 1 749 журналов, совокупный тираж которых в три раза превышал тираж периодических изданий в России в 1913 г. [11] Возросли и поступления периодики в деревню. Однако, крестьяне, даже будучи грамотными, зачастую не особенно торопились становиться подписчиками периодических изданий по причине склонности экономить «трудовую копейку». Случавшиеся иногда таинственные исчезновения денег, сданных при коллективной подписке какому-нибудь уполномоченному, также расхолаживали деревенских энтузиастов-библиофилов [12].

Численность сельских жителей, стабильно выписывавших газеты и журналы, была невелика. Так, на проходившем в первой половине февраля 1924 г. совещании секретарей сельских ячеек компартии Донецкого округа Юго-Восточного края представитель ячейки села Маньково Леоно-Калитвенского района по фамилии Плонида рассказывал, что в их сельсовете выписывается 300 экземпляров газет [13]. В среднем, в типичном сельском совете

на Юге России проживало в данное время 2–3 тыс. человек [14]. так что озвученные Плонидой цифры представляются относительно небольшими, но точно отражающими повсеместно наблюдавшуюся ситуацию с подписной активностью крестьянства.

Ведущими подписчиками на периодику в 1920-х гг. выступали не сельские жители, а избы-читальни, клубы, народные дома. Как правило, перечень газет и журналов в указанных учреждениях не был кратким. Например, в конце 1924 г. члены Донского окружного комитета РКП(б) Северо-Кавказского края утверждали, что «почти каждая изба-читальня выписывает газеты: «Советский Юг», «Молот», «Советский Пахарь», «Комсомолец», «Правда», «Извести[я]», «Беднота», «Труд», «Крестьянская газета» и друг[ие]. Журналы: «Крестьянка», «Красная Нива», «Смена», «Крокодил», «Безбожник», «Искра» и друг[ие].» [15]

В ряде случаев, периодика для советских земледельцев выписывали шефские организации, которые выполняли поставленную перед ними задачу просвещения и политико-идеологического воспитания жителей села. В частности, в сентябре 1924 г. в газете «Молот» сообщалось, что клуб шерстомойки № 1 в станице Невинномысской (одноименный район Юго-Восточного края) в течение полугода выписывал для местных крестьян «большое количество газет и журналов» [16].

Немаловажным фактором, тормозившим активность, сельских подписчиков (в том числе, южно-российских) становились деятельности советской почты образца 1920-х гг. В рассматриваемый период стационарные почтовые отделения действовали в основном в тех сельских населенных пунктах, где была высокая численность жителей и необходимые материальные средства для их функционирования. По той же причине, штаты существующих почтовых отделений были минимальны: зачастую на почте работали лишь заведующий и почтальон (либо, и вовсе, только заведующий), которые не имели возможности вовремя доставлять периодику и корреспонденцию многочисленной клиентуре.

Выход из положения изыскивался путем сотрудничества почт и местной администрации. Как правило, председатели сельских и станичных советов направляли на почту дежурных по сельсовету или просто односельчан, чтобы те привезли в село печатную продукцию и корреспонденцию. Кроме того, в 1924 г. в СССР была организована так называемая кольцевая почта. Обязанности ее сотрудников заключались в систематическом объезде сельских населенных пунктов, не имевших стационарных почтовых отделений, чтобы снабжать таковые периодикой, привозить письма и на месте принимать корреспонденцию к отправлению. Дополнительные меры были предложены в октябре 1924 г. сотрудниками Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК-РКИ), которые считали необходимым создать при редакциях крупнейших газет почтовые отделения для непосредственной сортировки и транспортировки газет к подписчикам, без завоза таковых на местные почты, «где они по техническим обстоятельствам часто залеживаются» [17].

Все эти меры, однако, имели ограниченный эффект: позволяя наладить доставку почтовых отправлений к получателям, они не решали проблему запаздывания этих отправлений. Сельская администрация не могла часто гонять крестьян на почтовые отделения (нередко, располагавшиеся во многих километрах от села), а малочисленность сотрудников кольцевой почты препятствовала им вовремя доставлять газеты и письма по назначению. В источниках часто встречаются жалобы и крестьян, и сельских коммунистов, и представителей власти на, так сказать, «несвежесть» прессы, доходившей до деревни значительно позже даты издания [18]. Снизить остроту этой проблемы (но, не полностью ее преодолеть) удалось только к исходу 1920-х гг., когда в сельской местности существенно расширилась сеть стационарных почтовых отделений и возросла численность почтальонов и писмоносцев (в южно-российском варианте, – почтарей, почтарок) [19]. Это благотворно сказалось и на подписной активности крестьян.

Помимо периодики, в советскую доколхозную деревню хлынул и широкий поток литературы. Тиражи книг и разнообразие их наименований в Советском Союзе заметно превышали дореволюционные показатели. Если, например, в 1913 г. в России насчитывалось 26 343 наименования печатной продукции «(книг, брошюр, нот,

справочников и др.)», то в 1924 г. – 29 131 наименование, в 1926 г. – уже 36 680 наименований [20].

Литература, предназначенная специально для крестьян, составляла весомую долю продукции советских типографий. В частности, в 1925 г. в РСФСР было выпущено около 1 400 наименований «разных крестьянских книг» совокупным тиражом 40 млн экземпляров [21]. В 1926 г. в СССР было издано 24 772 наименования книг и брошюр. Поскольку Советский Союз отличался наличием разветвленного бюрократического аппарата, первое место среди всех этих книг и брошюр занимали различные ведомственные издания общей численностью 3 742 наименования; на втором месте находилась научная и специальная литература (3 078 наименований), на третьем – разнообразные пособия и материалы для «практических работников разных специальностей» (2 904 наименования). Четвертое место принадлежало «крестьянской массовой литературе» – 2 108 наименований [22]. Как видим, предназначенная для сельских жителей РСФСР и СССР литература отличалась немалой численностью и позитивной динамикой ее издания на протяжении разных лет.

Наибольший интерес у крестьян вызывала сельскохозяйственная прикладная литература, что было естественно, учитывая присущий сельским труженикам прагматизм. В журнале «Новая деревня» нередко помещались отклики земледельцев на полюбившиеся им книги, и практически всегда они указывали в числе своих предпочтений только специальные издания по ведению полеводства, животноводства и т.п.: «Как пасти скот в лесу» П.А. Соколова, «Рыбачья памятка» К. Александрова, «Головня и как от нее уберечься» Согрианского, «Борьба с пожарами в деревне» М. Роги, «Коневодство» Кулешова, «Борьба с вредителями в засушливом районе» Щербиновского и т.д. [23]

Помимо сельхозлитературы, для деревенских читателей печаталось «также много книг – рассказов, романов, стихов, песенников – прежних и новых писателей» [24]. При этом, издательства учитывали малограмотность большинства крестьян, соответствующим образом оформляя книги. Для тех сельских (да, собственно, и городских) жителей, которые читали с трудом, – а таких было отнюдь не мало в рассматриваемый период времени, – издавались небольшие книги, в пределах 16 страниц, напечатанные «крупными буквами, самыми простыми словами, на каждой странице – рисунок». Для людей с более высоким уровнем общей грамотности книги печатались «обыкновенными не очень крупными буквами, но простым, понятным языком» [25]. Добавим, что в ряде издательств («Новая деревня», «Государственное издательство») практиковались ознакомительные, для приглашенных крестьян, чтения предназначенных к печати книг. Это делалось для того, «чтобы посмотреть, что они (крестьяне – *авт.*) скажут и понятно ли книжка написана» [26]ю

Снабжение сел и станиц Юга России литературой велось в разных формах. Эпизодические поставки в деревню книг и периодики осуществляли все те же шефы, либо просто городские рабочие, считавшие делом чести крепить «смычку» и выполнять священный пролетарский долг по просвещению «темного» крестьянства. Например, когда в августе 1924 г. сотрудник пожарной части Нахичевани-на-Дону Жуков уезжал в отпуск в родные края, он обратился в существовавшую при части комиссию по культуре с просьбой дать ему «старых газет, журналов и книжной литературы для распространения среди крестьян деревни Глафировки». Комиссия ответила на просьбу пожарного «выделением кой-какой литературы: по общественным, медицинским и политическим вопросам. Между книгами были также и биографические очерки о тов. Ленине» [27]. Так полезная и, главное, идеологически правильная литература отправилась к крестьянам.

Основной же массив литературы направлялся в советскую доколхозную деревню (в том числе, в села и станицы Дон, Кубани, Ставрополя) централизованно, через систему органов политпросвета, и был предназначен для библиотек, изб-читален, клубов, других подобных учреждений. Так, члены Донского окружкома РКП(б) Северо-Кавказского края в конце 1924 г. констатировали, что для городских и сельских библиотек окружными органами политпросвещения только с мая по октябрь текущего года было закуплено 63 200 книг, а также дополнительно получено от Главполитпросвета 17 650 экземпляров [28].

Что касается продажи книг крестьянам, то применительно к рассматриваемому периоду времени данный метод насыщения деревни литературой никак нельзя было назвать ни ведущим, ни даже значимым. В деревне насчитывалось не так уж и много

желающих покупать книги, как того можно было ожидать по итогам грандиозной по своим масштабам борьбы с неграмотностью. Знакомые с сельским бытом и крестьянской психологией современники бесхитростно свидетельствовали, что «крестьянство – привыкшее получать из библиотеки и избы-читальни книгу для чтения бесплатно, бывает недоволено, когда нужную книгу ему бесплатно выдать не могут, так как ее иногда в библиотеке и избе-читальне нет, а могут только продать» [29].

Отчасти, апатичное отношение множества земледельцев к покупке литературы объяснялось вышеупомянутой прижимистостью. Стремясь снять отмеченное препятствие распространению книг в деревне, представители партийно-советского руководства прикладывали усилия к удешевлению продукции советских издательств: ведь, теоретически, чем дешевле была книга, тем с большей готовностью крестьяне должны были ее купить.

С этой целью, в резолюции «О культурной работе в деревне», принятой на состоявшемся 23–31 мая 1924 г. XIII съезде РКП(б), указывалось: «необходимо снабжение изб-читален книгами и газетами по себестоимости; необходима их бесплатная пересылка» [30]. Дабы выполнить это указание, Госиздат и Народный комиссариат почт и телеграфов СССР (НКПТ или Наркомпочтель) образовали акционерное общество «Книга – деревне». Смысл деятельности общества заключался в том, чтобы реализовывать литературу в деревне в обход посреднических торговых организаций и частных перекупщиков, через сеть почтовых отделений и по издательским ценам. Такой порядок реализации должен был удешевить литературу и сделать ее стоимость не столь отталкивающей для жителей села.

Как отмечалось в прессе, уже в первой половине 1925 г. общество «Книга – деревне» создало в сельской местности Советского Союза тысячи пунктов реализации литературы, а к осени того же года ожидалось создание около 20 тыс. таких пунктов. «По РСФСР, на Украине, в Белоруссии, в Крыму, на Кавказе», констатировали современники, «все стационарные почтовые конторы снабжены хорошим подбором дешевой, полезной крестьянской книги и по глухим деревенским местам почтовик-кольцевик развозит книжку и передает ее в руки крестьянина» [31].

Безусловно, деятельность общества «Книга – деревне», как и другие похожие мероприятия партийно-советских органов по удешевлению предназначенной для крестьян печатной продукции, оказала определенное воздействие на повышение книжных продаж в деревне. Однако, радикально изменить сложившуюся ситуацию такие меры не могли, потому что относительная дороговизна книг не являлась единственной причиной нежелания крестьян их покупать.

Необходимо принять во внимание тот факт, что в 1920-х гг. для весьма и весьма многих жителей села, а также и горожан, книга не стала необходимым элементом жизни и досуга. Такие индивиды (которых более чем достаточно в любом обществе и во все времена) не видели ни смысла, ни радости в чтении, и никакие снижения цен не вызывали у них интереса к книгам. Они заполняли досуг не чтением, а более ценными для них развлечениями, среди которых на первом месте было употребление алкоголя. И свободные средства они тратили не на книги, а на водку. Как подметил селькор из села Лосево Армавирского округа Северо-Кавказского края, «водка в кооперативе быстро расходуется, а книжки лежат месяцами на полках» [32]. С сожалением приходится констатировать, что подобное отношение к чтению демонстрирует и сегодня множество наших соотечественников.

Все же, несмотря на вышеобозначенную негативную тенденцию, в советской деревне, по сравнению с дореволюционными временами, наблюдалась устойчивая тяга к чтению. Это, конечно, не могло не радовать представителей советской власти и общественности. Проблема заключалась в том, что армия любителей чтения в деревне росла опережающими темпами по сравнению с пополнением фондов сельских читален.

Источники 1920-х гг. пестрят печальными утверждениями о крайней ограниченности книжного фонда в деревне. Так, в июне 1920 г. работники отдела народного образования Александровск-Грушевского уезда Донской области признавали, что «книг не хватает для обслуживания нужд населения» и отмечали «недостаток (крайнюю нужду) в литературе: 1) политической, 2) детской, 3) беллетристической» [33]. Конечно, в начале 1920-х гг. Советская Россия переживала далеко не лучшие времена, и на фоне всеобщего дефицита

нехватка книг не выглядела экстраординарным явлением. Однако и на протяжении последующих лет представители власти делали столь же унылые признания.

В конце 1924 г. члены Донского окружкома РКП(б) Юго-Восточного края отмечали, что, хотя города, села и станицы округа получили в текущем году десятки тысяч книг (как уже отмечалось выше, 63 200 экземпляров), литературы все же «далеко недостаточно для того, чтобы удовлетворить, хотя бы основные потребности трудящегося населения» [34]. Нередко фонды сельских библиотек были чрезвычайно малы. Так, к марту 1926 г. в двух из тринадцати районов Армавирского округа Северо-Кавказского края имелось 6 библиотек, совокупное количество книг в которых равнялось всего лишь 838 штук, или около 140 экземпляров на библиотеку [35]. Мизерные размеры этих книжных фондов заметны невооруженным глазом; но, они кажутся попросту смехотворными при сравнении со средней численностью населения в районах Армавирского округа, которая в том же 1926 г. приближалась к 60 тыс. человек! [36] В качественном отношении книжные фонды сельских читален также порождали пессимизм, поскольку ощущалась острая нехватка сельскохозяйственной литературы (наиболее востребованной крестьянством), а также «педагогической, популярной политической, а главным образом, детской» [37]. Участники Первого Всероссийского съезда работников изб-читален в марте 1927 г., оценивая как достоинства, так и недостатки снабжения деревни литературой, подводили своеобразный итог: «мало книг, нет книг, нет детской книги, нет беллетристики – это общий плач» [38].

В этой ситуации, одним из действенных средств стало создание передвижных читален (библиотек-передвижек). Например, к весне 1926 г. политпросвет Ставропольского округа укомплектовал 200 библиотечек-передвижек, с количеством 200 книг в каждой, и направил их в самые отдаленные хутора и поселки округа [39]. Подобные кочующие библиотеки, в каждой из которых насчитывалось, как минимум, несколько десятков экземпляров книг, брошюр, журналов, газет, позволяли маневрировать ограниченными фондами печатных изданий и охватывать довольно значительные контингенты читателей на селе.

Ограниченность книжного фонда в советской (в частности, южно-российской) деревне 1920-х гг., вкупе с невысокой грамотностью основной массы крестьянства, оказала самое существенное влияние на чтение как практику досуга. Мы имеем в виду тот факт, что в деревне эпохи нэпа чтение представляло собой, по большей мере, не индивидуальную, а публичную, общественную, форму проведения свободного времени.

Поскольку наиболее интересной крестьянам литературы и периодики в деревню поступало сравнительно немного, самые читабельные экземпляры превращались в общественное достояние и, что называется, оправлялись по рукам. По этому поводу заведующая Благодаринским уездным женотделом Ставропольской губернии в 1923 г. писала в редакцию журнала «Крестьянка» о том, что, когда свежий номер приходит в село, то «совсем не лежит в избе-читальне, а из хаты в хату переходит» [40] (популярность указанного литературного журнала, действительно, была высока в деревне [41]). А так как многие земледельцы, даже прошедшие курс ликбеза, читали с трудом, зачастую газеты или журналы оглашал для всех какой-нибудь местный грамотей. Как писала одна из селькоров, «во время передышек на поле, на сенокосе грамотные крестьяне могут читать неграмотным журнал «Крестьянка» [42]. Зачастую в роли чтеца выступали не сами крестьяне, а избачи или представители сельской интеллигенции, которые, одновременно с громким чтением, выполняли также функции популяризации литературы и просоветской агитации. Как видим, в рассматриваемое время чтение на селе представляло собой не частное досужее занятие, а общественный акт [43].

Остается добавить, что борьба с неграмотностью и постепенное укоренение чтения в быту деревни способствовали развитию крестьянского творчества, которое стало еще одним способом проведения свободного времени. В редакции газет и журналов из деревни поступало огромное количество произведений самодеятельных авторов, надеявшихся на то, что «знающие люди» их оценят и опубликуют. Множество такого рода творений были откровенно слабы [44]. Но, зачастую встречались и довольно любопытные очерки, рассказы, стихи. Вот, например, несколько интересных строк: «Мы – пахари, мы – великаны, // Земли родной богатыри, // Труда любимого титаны, // Полей родных цари» [45].

Практически сразу, впрочем, творческая активность крестьян приобрела характер активности общественной, когда умение освещать сельскую действительность

использовалось не для заполнения досуга, а для критики негативных сторон этой самой действительности в целях ее исправления и улучшения. На селе действовало множество добровольных крестьянских (сельских) корреспондентов, численность которых в 1925 г. составляла (вместе с рабочими корреспондентами) около 150 тыс. человек [46]. Кресткоры (селькоры) направляли в редакции периодических изданий свои критические заметки об окружающей действительности. В частности, к весне 1926 г. издававшаяся на Ставрополье крестьянская газета «Власть Советов» получала от селькоров до 200 корреспонденций в день [47]. Кроме того, выражением творческой активности и неравнодушной общественной позиции крестьян стали стенные газеты, которых только в Донском округе Северо-Кавказского края насчитывалось к началу 1927 г. 71 (в целом же, в округе выходило 486 стенгазет)[48] и в которых также содержалась острая критика тех или иных негативных явлений сельской повседневности [49].

Заключение. Исторический экскурс в повседневность южно-российского крестьянства 1920-х годов позволяет оценить итоги деятельности Советского государства по революционным изменениям культуры проведения досуга. Этот период привнес коренное преобразование – культуру чтения, которую можно охарактеризовать как книжную революцию. Бесспорно, социально-культурные преобразования имели краткосрочный характер, они затронули только начало формирования нового культурного мира с идеолого-пропагандистским уклоном. Материальный и людской ресурсы не позволяли до конца решить поставленные задачи по созданию нового советского уклада сельского социума. Но именно 1920-е годы стали тем базисом, на которые легли преобразования «Великого перелома» 1930-х годов.

Примечания:

1. Л.В. Среди книг // Молот. 1924. 5 сентября.
2. Подчеркивая факт поддержки значительной частью сельского населения проводимых советской властью мер по модернизации культуры и быта деревни, партийные работники на Юге России обоснованно констатировали «проявление интереса к хозяйственным и культурным мероприятиям» со стороны крестьянства (ЦДНИ РО, ф. 30, оп. 1, д.4в, л. 5) и уверенно заявляли, что на селе «растет тяга к культуре, стремление к изжитию традиционных пережитков старины» (Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. Ростов н/Д., 1924. С. 35).
3. Пути созидания. Очерки о социально-экономическом развитии Дона и Северного Кавказа / Науч. ред. Ф.И. Поташев. Ростов н/Д., 1975. С. 152.
4. Ленин В.И. Рабочим, мастеровым, служащим и комячейке станции Пролетарская Владикавказской железной дороги. 20 января 1921 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52. М., 1975. С. 50–51.
5. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921–1937 гг. Кн. 1 (1921–1929 гг.). М., 1970. С. 230.
6. РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 570б.
7. ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 8, л. 17.
8. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 232.
9. Там же. С. 93.
10. Ставропольский край. Справочник / Под общ. ред. В.Г. Гниловского. Ставрополь, 1961. С. 216.
11. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 381.
12. Так, на проходившем 25–30 января 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края один из присутствовавших рассказывал: «В 1924 г. была сделана подписка на газеты. Приехал представитель «Молота», заключили договор на доставку газет в хутора. Собрали с граждан денежки, а редакции не отослали». В итоге, газеты в хутора не поступили. Зато через некоторое время там снова появился представитель газеты «Молот» и, справедливо ссылаясь на заключенный договор, объявил крестьянам, что за ними числится задолженность сумме 95 рублей. Попытки вернуть таинственно пропавшую сумму ни к чему не привели, и вся эта история отбила у селян охоту

выписывать периодику: «и когда я выступил и говорю «подписывайтесь граждане на газету». Ничего подобного, нет[,] дураков не найдешь» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 123).

13. ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 2а.

14. Лицо донской деревни. С. 23.

15. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об.

16. Рабкор М. Кулаки «размычку» делают // Молот. 1924. 4 сентября.

17. Улучшение доставки газет в деревню // Молот. 1924. 4 октября.

18. Современники утверждали, что газеты и корреспонденция нередко доходили в деревню с опозданием в неделю и более. Так, селькор ст. Аксайской Донского округа Северо-Кавказского края Щеколдин жаловался: «большое горе для нас – несвоевременная доставка газет. Мы живем недалеко от города, а все же были случаи, когда последний номер газеты приходил через месяц со дня выхода» (Работа и состояние рабселькорских организаций на местах // Молот. 1926. 4 марта). О том же писал корреспондент газеты «Молот» И. Васильев: «Большой помехой в работе является запаздывание газет. Все руководители [школ политграмоты] жалуются на это. Так, в хуторе Висловском [Семикаракорского района] газеты запаздывают на 15 дней» (Васильев И. Политучеба в донской деревне // Молот. 1926. 5 марта).

19. Крестьяне постоянно говорили о необходимости увеличения численности сельских почтальонов-письмоносцев, видя в этом наилучшее средство ускорить доступ почтовых отправок в деревню: «надо бы кольцевой почте иметь еще сеть письмоносцев. И правильно, тогда ведь была бы более быстрая и аккуратная доставка – а это увеличило бы число подписчиков» (По советским деревням // Новая деревня. 1927. № 14. С. 38); «кольцевая почта не всюду хорошо обслуживала деревню, и теперь ей на смену идет сельский письмоносец. Сельским письмоносцем может быть каждый честный деревенский парень, хорошо грамотный. На его обязанности должна лежать доставка в каждую деревню, в каждый двор писем, газет, переводов на деньги и не тяжелых посылок» (Сакович Е. Почту в деревню надо хорошо наладить // Новая деревня. 1926. № 5. С. 51).

20. Календарь коммуниста на 1928 год. С. 234.

21. Мамаев Б. Что важно знать крестьянину при выборе книги // Новая деревня. 1927. № 23. С. 57.

22. Календарь коммуниста на 1928 год. С. 234.

23. Отзывы крестьян о книгах // Новая деревня. 1926. № 17. С. 59; № 18. С. 51; 1927. № 17. С. 59.

24. Мамаев Б. Что важно знать крестьянину при выборе книги // Новая деревня. 1927. № 23. С. 57.

25. Там же. С. 57.

26. Там же. С. 58.

27. Мосин И. Смычка с деревней // Молот. 1924. 18 сентября.

28. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об–49.

29. Сверчков И. Библиотекарь, избач и продажа книг в деревне // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 167.

30. Резолюция XIII съезда РКП(б) «О культурной работе в деревне» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1953. Изд. 7-е. В 2-х ч. Ч. I. 1898–1925. М., 1953. С. 863.

31. Красная нива. 1925. № 40. С. 959.

32. Зоркий глаз. Заброшенная культработа // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

33. Докладная записка Александровск-Грушевского отдела народного образования о проведенных мерах по ликвидации неграмотности. 25 июня 1920 г. // Наш край. Из истории советского Дона. С. 129.

34. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об–49.

35. Георгиади Я. Просвещенцы в станице (По материалам обследования) // Молот. 1926. 18 марта.

36. Рассчитано по: Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. С. 3.

37. РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 37; ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об–49.

38. Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 11.
39. Книгу - деревне // Молот. 1926. 27 марта.
40. За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 5.
41. Подчеркивая популярность «Крестьянки» среди сельских жителей, волорганизатор (лицо, осуществлявшее общественную работу на селе) Воронцовской волости на Дону осенью 1923 г. писал в редакцию: «нужно отметить громадный успех журнала. И не только среди крестьянок, но и среди мужчин» (За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 4).
42. Галина. О летней работе среди крестьянок // Крестьянка. 1923. № 9. С. 20.
43. Сельским учителям вменялось в обязанности, совместно с избачом, вести общественную работу и, в том числе, проводить читки книг, газет, журналов в избах-читальнях; «там, где нет избы-читальни в хуторах – учитель вместе с уполномоченным хутора находит место, где собираются граждане в долгие осенние и зимние вечера, там должны быть: газета, книжка и громкое чтение» (Фр. Г. Учитель в деревне // Молот. 1924. 17 февраля). Громкое чтение должно было также вызвать у земледельцев интерес, как к читаемой книге, так и к литературе вообще, чем достигалась реализация поставленной перед работниками деревенских просветительных учреждений задачи «продвинуть книгу в деревенскую массу, приблизить ее к крестьянству» (Сверчков И. Библиотекарь, избач и продажа книг в деревне // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 167).
44. Например, редакция журнала «Новая деревня» следующим образом расценила розу крестьянина К. Быкову из села Шептуховка Донской области Юго-Восточного края: «получили ваш рассказ –[«]Воспоминания[»]. За время гражданской войны много было таких случаев. И потому, что рассказ очень – обыкновенный – он вышел скучным и печатать его не стоит» («Новая деревня» отвечает // Новая деревня. 1924. № 9. С. 48).
45. Левин В. Стихотворение // Новая деревня. 1924. № 4. С. 23.
46. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 381.
47. Отовсюду // Молот. 1926. 27 марта.
48. Материалы к отчету Донского окружного комитета В.К.П. (больш.) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). Ростов н/Д., 1927. С. 101.
49. Очевидец так описывал реакцию жителей станицы Бессергеновской (ныне Октябрьской район Ростовской области) на выход стенной газеты «Пробуждение» в сентябре 1924 г.: «очень заинтересовала газета хлеборобов слободы, днем и вечером стояли толпы народа над газетой и со вниманием читали ее. После чтения раздавались веселые улыбки: «Вот так безбожник, попа протянул, а правду он пишет, что стыдно святым лодырям раскрывать пасть на труды хлебороба», «а вот еще про кулака Таменцева»... Бессергеновская пробуждается от.

References:

1. L.V. Sredi knig // Molot. 1924. 5 sentyabrya.
2. Podcherkivaya fakt podderzhki znachitel'noi chast'yu sel'skogo naseleniya provodimykh sovetskoj vlast'yu mer po modernizatsii kul'tury i byta derevni, partiinye rabotniki na Yuge Rossii obosnovanno konstatirovali «proyavlenie interesa k khozyaistvennym i kul'turnym meropriyatiyam» so storony krest'yanstva (TsDNI RO, f. 30, op. 1, d.4v, l. 5) i uverenno zayavlyali, chto na sele «rastet tyaga k kul'ture, stremlenie k izzhitiyu traditsionnykh perezhitkov stariny» (Otchet Donskogo okruzhnogo komiteta Rossijskoj Kommunisticheskoi Partii (bol'shevikov). S maya po oktyabr' 1924 goda. – Rostov n/D., 1924. S. 35).
3. Puti sozidaniya. Ocherki o sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Dona i Severnogo Kavkaza / Nauch. red. F.I. Potashev. – Rostov n/D., 1975. S. 152.
4. Lenin V.I. Rabochim, masterovym, sluzhashchim i komyacheike stantsii Proletarskaya Vladikavkazskoi zheleznoi dorogi. 20 yanvarya 1921 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 52. M., 1975. S. 50–51.
5. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. Kommunisticheskaya partiya v bor'be za postroenie sotsializma v SSSR. 1921 – 1937 gg. Kn. 1 (1921 – 1929 gg.). – M., 1970. S. 230.
6. RGASPI, f. 65, op. 1, d. 24, l. 57ob.
7. GANI SK, f. 5938, op. 1, d. 8, l. 17.

8. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. S. 232.
9. Tam zhe. S. 93.
10. Stavropol'skii krai. Spravochnik / Pod obshch. red. V.G. Gnilovskogo. Stavropol', 1961. S. 216.
11. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. S. 381.
12. Tak, na prokhodivshem 25–30 yanvarya 1926 g. soveshchani sekreterei sel'skikh yacheek VKP(b) Donskogo okruga Severo-Kavkazskogo kraya odin iz prisutstvovavshikh rasskazyval: «V 1924 g. byla sdelana podpisaka na gazety. Priekhal predstavitel' «Molota», zaklyuchili dogovor na dostavku gazet v khutora. Sobrali s grazhdan denezhki, a redaktsii ne otoslali». V itoge, gazety v khutora ne postupili. Zato cherez nekotoree vremya tam snova poyavilsya predstavitel' gazety «Molot» i, spravedливо ssylayas' na zaklyuchennyi dogovor, ob'yavil krest'yanam, chto za nimi chislitsya zadolzhennost' summe 95 rublei. Popytki vernut' tainstvenno propavshuyu summu ni k chemu ne priveli, i vsya eta istoriya otbila u selyan okhotu vypisyvat' periodiku: «i kogda ya vystupil i govoryu «podpisyvaites' grazhdane na gazetu». Nichego podobnogo, net, durakov ne naidesh'» (TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 72, l. 123).
13. TsDNI RO, f. 75, op. 1, d. 47, l. 2a.
14. Litso donskoi derevni. S. 23.
15. TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob.
16. Rabkor M. Kulaki «razmychku» delayut // Molot. 1924. 4 sentyabrya.
17. Uluchshenie dostavki gazet v derevnyu // Molot. 1924. 4 oktyabrya.
18. Sovremenniki utverzhdali, chto gazety i korrespondentsiya neredko dokhodili v derevnyu s opozdaniem v nedelyu i bolee. Tak, sel'kor st. Aksaiskoi Donskogo okruga Severo-Kavkazskogo kraya Shchekoldin zhalovalsya: «bol'shoe gore dlya nas – nesvoevremennaya dostavka gazet. My zhivem nedaleko ot goroda, a vse zhe byli sluchai, kogda poslednii nomer gazety prikhodil cherez mesyats so dnya vykhoda» (Rabota i sostoyanie rabsel'korovskikh organizatsii na mestakh // Molot. 1926. 4 marta). O tom zhe pisal korrespondent gazety «Molot» I. Vasil'ev: «Bol'shoi pomekhai v rabote yavlyaetsya zapazdyvanie gazet. Vse rukovoditeli shkol politgramoty zhaluyutsya na eto. Tak, v khutore Vislovskom Semikarakorskogo raiona gazety zapazdyvayut na 15 dnei» (Vasil'ev I. Politucheba v donskoi derevne // Molot. 1926. 5 marta).
19. Krest'yane postoyanno govorili o neobkhodimosti uvelicheniya chislennosti sel'skikh pochtal'onov-pis'monostsev, vidya v etom nailuchshee sredstvo uskorit' dostup pochtovykh otpravlenii v derevnyu: «nado by kol'tsevoi pochte imet' eshche set' pis'monostsev. I pravil'no, togda ved' byla by bolee bystraya i akkuratnaya dostavka – a eto uvelichilo by chislo podpischikov» (Po sovetskim derevnyam // Novaya derevnya. 1927. № 14. S. 38); «kol'tsevaya pochta ne vsyudu khorosho obsluzhivala derevnyu, i teper' ei na smenu idet sel'skii pis'monosets. Sel'skim pis'monostsem mozhet byt' kazhdyi chestnyi derevenskii paren', khorosho gramotnyi. Na ego obyazannosti dolzhna lezhat' dostavka v kazhduyu derevnyu, v kazhdyi dvor pisem, gazet, perevodov na den'gi i ne tyazhelykh posylok» (Sakovich E. Pochtu v derevnyu nado khorosho naladit' // Novaya derevnya. 1926. № 5. S. 51).
20. Kalendar' kommunista na 1928 god. S. 234.
21. Mamaev B. Chto vazhno znat' krest'yaninu pri vybore knigi // Novaya derevnya. 1927. № 23. S. 57.
22. Kalendar' kommunista na 1928 god. S. 234.
23. Otzyvy krest'yan o knigakh // Novaya derevnya. 1926. № 17. S. 59; № 18. S. 51; 1927. № 17. S. 59.
24. Mamaev B. Chto vazhno znat' krest'yaninu pri vybore knigi // Novaya derevnya. 1927. № 23. S. 57.
25. Tam zhe. S. 57.
26. Tam zhe. S. 58.
27. Mosin I. Smychka s derevnei // Molot. 1924. 18 sentyabrya.
28. TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob–49.
29. Sverchkov I. Bibliotekar', izbach i prodazha knig v derevne // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 1. S. 167.
30. Rezolyutsiya XIII s"ezda RKP(b) «O kul'turnoi rabote v derevne» // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 1898 – 1953. Izd. 7-e. V 2-kh ch. Ch. I. 1898–1925. M., 1953. S. 863.

31. Krasnaya niva. 1925. № 40. S. 959.
32. Zorkii glaz. Zabroshennaya kul'trabota // Krest'yanskaya gazeta. 1928. 30 noyabrya.
33. Dokladnaya zapiska Aleksandrovska-Grushevskogo otdela narodnogo obrazovaniya o provedennykh merakh po likvidatsii negramotnosti. 25 iyunya 1920 g. // Nash krai. Iz istorii sovetskogo Dona. S. 129.
34. TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob–49.
35. Georgiadi Ya. Prosveshchentsy v stanitse (Po materialam obsledovaniya) // Molot. 1926. 18 marta.
36. Rasschitano po: Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. Itogi perepisi naseleniya 1926 g. S. 3.
37. RGAE, f. 396, op. 3, d. 576, l. 37; TsDNI RO, f. 5, op. 1, d. 17, l. 48ob–49.
38. Shiryamov A. Pervyi Vserossiiskii s'ezd zaveduyushchikh izbami-chital'nyami // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 2. S. 11.
39. Knigu - derevne // Molot. 1926. 27 marta.
40. Za god raboty // Krest'yanka. 1923. № 10. S. 5.
41. Podcherkivaya populyarnost' «Krest'yanki» sredi sel'skikh zhitelei, volorganizator (litso, osushchestvlyavshee obshchestvennyuyu rabotu na sele) Vorontsovskoi volosti na Donu osen'yu 1923 g. pisal v redaktsiyu: «nuzhno otmetit' gromadnyi uspekhn zhurnal. I ne tol'ko sredi krest'yanok, no i sredi muzhchin» (Za god raboty // Krest'yanka. 1923. № 10. S. 4).
42. Galina. O letnei rabote sredi krest'yanok // Krest'yanka. 1923. № 9. S. 20.
43. Sel'skim uchitelyam vmenyalos' v obyazannosti, sovместno s izbachom, vesti obshchestvennyuyu rabotu i, v tom chisle, provodit' chitki knig, gazet, zhurnalov v izbakh-chital'nyakh; «tam, gde net izby-chital'ni v khutorakh – uchitel' vmeste s upolnomochennym khutora nakhodit mesto, gde sobirayutsya grazhdane v dolgie osennie i zimnie vechera, tam dolzhny byt': gazeta, knizhka i gromkoe chtenie» (Fr. G. Uchitel' v derevne // Molot. 1924. 17 fevralya). Gromkoe chtenie dolzhno bylo takzhe vyzvat' u zemledel'tsev interes, kak k chitaemoi knige, tak i k literature voobshche, chem dostigalas' realizatsiya postavlennoi pered rabotnikami derevenskikh prosvetitel'nykh uchrezhdenii zadachi «prodvinut' knigu v derevenskuyu massu, priblizit' ee k krest'yanstvu» (Sverchkov I. Bibliotekar', izbakh i prodazha knig v derevne // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 1. S. 167).
44. Naprimer, redaktsiya zhurnalov «Novaya derevnya» sleduyushchim obrazom rastsenila rozu krest'yanina K. Bykovu iz sela Sheptukhovka Donskoi oblasti Yugo-Vostochnogo kraya: «poluchili vash rasskaz –«Vospominaniya». Za vremya grazhdanskoi voiny mnogo bylo takikh sluchaev. I potomu, chto rasskaz ochen' – obyknovennyi – on vyshel skuchnym i pechatat' ego ne stoit» («Novaya derevnya» otvechaet // Novaya derevnya. 1924. № 9. S. 48).
45. Levin V. Stikhotvorenie // Novaya derevnya. 1924. № 4. S. 23.
46. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. 4. S. 381.
47. Otovsyudu // Molot. 1926. 27 marta.
48. Materialy k otchetu Donskogo okruzhnogo komiteta V.K.P. (bol'sh.) na XII okruzhnoi partkonferentsii (noyabr' 1925 – yanvar' 1927 g.). Rostov n/D., 1927. S. 101.
49. Ochevidets tak opisyval reaktsiyu zhitelei stanitsy Bessergenevskoi (nyne Oktyabr'skoi raion Rostovskoi oblasti) na vykhod stennoi gazety «Probuzhdenie» v sentyabre 1924 g.: «ochen' zainteresovala gazeta khleborobov slobody, dnem i vecherom stoyali tolpy naroda nad gazetoi i so vnimaniem chitali ee. Posle chteniya razdavalis' veselye ulybki: «Vot tak bezbozhnik, popa protyanul, a pravdu on pishet, chto stydno svyatym lodyryam raskryvat' past' na trudy khleboroba», «a vot eshche pro kulaka Tamentseva»... Bessergenevskaya probuzhdaetsya ot.

УДК 94-47

**Культура чтения в повседневности
южно-российского крестьянства в 1920-х гг.**

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты государственной советской политики по формированию новой крестьянской повседневной культуры на основе развития книжной культуры в условиях борьбы с неграмотностью сельского населения юга России. Анализируются средства и способы проведения мероприятий культурной революции в сельском социуме, итоги проведенной государственной политики в концепции построения нового советского общества.

Ключевые слова: советская культура; культурная революция; ликвидация безграмотности (ликбез); повседневность; досуг; книжная революция.

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 94

High Humanistic Directivity of Russian Patriotic Idea

¹ Sergei V. Yanush

² Sergei I. Linets

¹ Stavropol State Agrarian University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

² Pyatigorsk State Linguistic University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

Abstract. Russia is in high need of professionals, meeting the requirements of international standards, highly skilled, well-informed, legally savvy specialists, patriots of their work, having civil maturity and high moral and ethic qualities. Modern Russian society wants the employers of all levels to have deep understanding of civil importance and social significance of their activities, strong moral and spiritual basis, high cultural behavior.

Training of such specialists is closely related to patriotic upbringing, creation of value-motivational core of the society and resource base of Russia's restoration through the reproduction of a man of culture, citizen, patriot, moral, responsible, composite and spiritual personality, having distinct guidelines, ideas and ideals of the Russian patriotism. According to the president of the Russian Federation V.V. Putin: 'We need the strategy of national policy, based on civil patriotism. High patriotic idea, the idea of statehood is the backbone, the foundation of the spirituality of modern Russian society and its future.'

Nowadays, when Russia 'gathers stones' of its history, patriotism as the phenomenon of national spirituality and the component of public consciousness is as crucial for Russian reality as it was many centuries ago. The power of any country is mainly determined by the depth of patriotism of its citizens.

Keywords: Motherland; Russia; patriotism; traditions; army and fleet; military service; faith; Christian values.

Введение. Многовековая история нашего народа, его славные боевые традиции, рожденные в жестоких боях с многочисленными иноземными захватчиками, являются неиссякаемым источником формирования патриотических чувств, идей и действий для многих поколений россиян.

Совсем уже скоро народы бывшего СССР и прогрессивное человечество будут отмечать 70-ю годовщину Победы над фашистской Германией. И думается, что вопросы возникновения патриотизма и его истоков в каждом народе сегодня очень актуальны.

А положили начало возникновению этих славных традиций славянские племена, с оружием в руках отстаивающие свою свободу и независимость. «Племена славян и антов, - писал древнегреческий историк Маврикий Стратег, - сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению... Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище».

Эти качества были характерны и для древнерусского войска – княжеских дружин. Дружинники отличались хорошей организованностью, дисциплиной, мужеством и

храбростью, духом высокого патриотизма.

Стоять насмерть за брата и отца, за Отечество – являлось неписанным правилом для них.

Святослав, русский князь со скандинавской кровью, высоко ставил честь Отчизны: «Да не посрамят Земли Русские, мертвыи бо срама не имам» [1].

Обязательными считались и соблюдение присяги, верность князю, его знамени. В Древней Руси стяг служил не только средством управления войсками, но и символом чести и славы. Дружина, вступающая в бой, защищала знамя до последнего человека.

Несгибаемую силу русского народа, его непреодолимое стремление к свободе и независимости продемонстрировали победы русского оружия над многочисленными кочевниками, рыцарями-крестоносцами, монголо-татарскими ордами.

Несомненно, воинские традиции Древней Руси лежат в основе военной доблести Великой России. Стержнем этих традиций был патриотизм, проникнутый глубокой духовно-нравственной основой любви к своей Родине [2].

Исторические и географические условия, в которых рождалась и крепла Россия, вынуждали ее постоянно вести борьбу за свою государственную и национальную независимость. Это не могло не сказаться на формировании особого отношения русских людей к военной службе. В народном эпосе: песнях, былинах, сказках - воспевались героизм, мужество и отвага тех, кто не щадил ни сил, ни самой жизни, защищая родную землю. Это воспитывало у русских воинов качества, которые всегда отмечали как союзники, так и противники: решительность в наступлении, стойкость в обороне, храбрость, взаимовыручка и презрение к смерти в критические моменты боя.

«Смутным временем» назвали русские люди период конца XVI – начала XVII вв. Перед Российским государством встал вопрос – быть ли русскому народу свободным или попасть под иноземное владычество. На борьбу с захватчиками поднялись все. Во главе земского ополчения стали избранные народом и облеченные его доверием К. Минин и Д. Пожарский. Преимущество ополченцев было в высоком воинском духе ратных людей. Они сражались за родную землю, за освобождение Российского государства, своей столицы. В присяге русских воинов было сказано: «Стояти под Москвою и страдати всем... и битись до смерти» [3].

Могущество, достигнутое Россией к концу XVIII века, не было щедрым даром провидения. Полководцы и флотоводцы, солдаты и матросы, одерживая победы над врагами Отечества, укрепляли тем самым государство, служа прогрессивному общенародному делу. Такова диалектика исторического развития. Создатель регулярной армии и флота – Петр I большое внимание уделял формированию у воинов патриотических и профессиональных качеств.

Традиции, заложенные Петром, углублялись и расширялись его верными учениками и соратниками. Русская армия и флот одержали множество славных викторий, приумножались и крепились воинские традиции. Развитие их связано, прежде всего, с деятельностью таких выдающихся полководцев и флотоводцев, как П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, Ф.Ф. Ушаков.

Блестящие победы на суше и на море прочно укрепили военный и международный авторитет России. Западные армии четко уяснили истину: встреча в бою с русскими гренадерами не предвещает ничего хорошего. Испытала это на себе и армия Наполеона. Легендарный подвиг героев Бородина явился для последующих поколений русских людей вдохновляющим примером патриотического выполнения долга перед Родиной [4].

Яркие примеры мужества и героизма русских войск, образцы стойкости и патриотизма продемонстрировала Крымская война 1853–1856 гг. Подвиги, совершенные россиянами в Синопском сражении и при обороне Севастополя, - навсегда в памяти благодарных потомков [5].

Наша память сохранит и легендарную эпопею обороны Порт-Артура. Русские солдаты и матросы предпочитали погибнуть в бою, чем сдаться в плен.

Остаются чтимы нашим народом герои первой мировой войны. Стойкость и героизм русских солдат были не менее достойны подражания, чем подвиги их предков. Так, 18 августа 1914 года, во время отхода 13-го корпуса генерала Клюева колонна Невского пехотного полка, увлекаемая командиром полка Первушиным, ринулась в штыки на 17-й немецкий корпус Макензена, вставший у них на пути. Вся колонна погибла в штыковой

атаке, повторив подвиг Ипатия Коловрата и его дружины.

Традиции героического прошлого нашего народа стали символом нестигаемого боевого духа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Эти национальные традиции объединили все общество. Только в Москве за первые три дня войны поступило более 70 тыс. заявлений с просьбой направить на фронт.

Трудно выделить героев, когда вся страна в едином патриотическом порыве встала на защиту своей независимости. Героизм в годы войны был массовым. Целые воинские части, роты и батальоны покрывали себя неувядаемой славой [6].

Уже после войны, размышляя о величии нашей победы, о том, как советские люди победили мощнейшую армию того времени, Г.К. Жуков писал: «Обо что же споткнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территории нашей страны? Что же, прежде всего, помешало им продвигаться вперед привычными темпами? Можно твердо сказать – главным образом массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа».

Материалы и методы. В основе воинских традиций Российской армии лежат три ключевых нравственных понятия – «патриотизм», «воинская честь» и «долг». Армия жива, пока существуют в ее рядах носители этих понятий.

Олицетворяя главное предназначение армии с высшим патриотическим долгом, идеей наиболее самоотверженного и последовательного служения России, великий русский философ Ильин писал, что «русская армия всегда была школой патриотической верности», выступает как «наша сила, наша надежда, основа нашего национального существования. Армия невозможна без патриотизма и жертвенности. Ее лозунг – «Жить для России и умереть за Россию».

«Выше всего, - отмечал видный военный педагог М.И. Драгомиров, - стоит готовность страдать и умирать, т.е. самоотвержение... оно дает силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высшей любви» [7].

Что же такое патриотизм? Патриотизм – одно из самых устойчивых, неистребимых и священных чувств человека. Происходит это понятие от греческого *patris* – родина, отечество. Под патриотизмом подразумевается любовь человека к своей Родине, его привязанность к местам, где он родился и вырос, готовность приложить усилия для процветания и обеспечения национальной независимости Отечества.

История России – история проявления патриотизма, который формировался в течение многих столетий борьбы с многочисленными внешними врагами. В нем яркий отсвет судьбы Отечества.

Российский народ не является в этом смысле исключением. Но патриотизм россиян уникален по своей природе [8].

Любовь русского человека к Родине можно сравнить только с любовью к своей матери. Кажется, ни в одном языке мира мы не встретим словосочетания «Родина-Мать». В этих самых дорогих для человека словах выражена глубина патриотизма нашего народа.

Что же это за феномен – загадочная «русская душа»? Что движет миллионами российских граждан в лихие для страны лета? В чем проявляется российский патриотизм и национальный характер россиян?

Исследователи выделяют следующие основные особенности проявления российского патриотизма.

Особая любовь русских людей к родной земле. Огромная территория нашей страны – важнейший фактор патриотического сознания россиян, формировавший их уверенность в том, что «Русь невозможно поработить», что на необъятных просторах Родины в трудную минуту всегда найдется сила, которая сплотит и поведет за собой народ против иностранных завоевателей. История подтверждает, что так случилось и в Смутное время, и в 1812 году, и в годы Великой Отечественной войны.

Общинность, как устойчивая склонность и потребность русских людей в коллективной жизни. Издревле на Руси она проявлялась в решении наиболее значимых социальных вопросов на общих сходах (вече). Многие понятия в русском языке связаны с общинными, родственными отношениями. Природа, родить, родина, народ – однородные понятия.

Свободолюбие – готовность к сознательному самопожертвованию ради свободы Отечества. Даже в условиях жестокой неволи русский человек всегда стремится к своему

освобождению, к возвращению на родину, к свободной жизни.

Обсуждение. Бисмарк предостерегал желающих напасть на Россию: «О победе над Россией можно говорить, если в ходе войны она будет полностью разгромлена... Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия... Миллионы собственно русских, даже если их разделить... так же быстро, вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезаемого кусочка ртути, и ведут борьбу за освобождение своей территории чисто с русским неистовством».

Жизненная стойкость и мужество. Эти качества питают твердость духа в нелегкие для Родины времена, неистребимую веру в «лучшую жизнь», терпеливость и выносливость [9].

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении – суть качества, отличающие патриотизм русского народа», подчеркивал А.И. Радищев.

У русских особое понимание воинского героизма. Оно характерно в первую очередь для русских полководцев, стремившихся разделить с простыми солдатами все тяготы их службы и боевой деятельности. Так, Д. Донской на Куликовом поле, покинув княжескую дружину, стал в общий строй ополченцев Большого полка [10].

А.В. Суворов считал за честь драться в первых рядах своей армии. Всем известна близость к солдатам К.К. Рокоссовского и Г.К. Жукова.

Державность (государственная самодостаточность), как исторически и геополитически обусловленная форма развития Российского государства. Наиболее ярко она выражается в национальной гордости за принадлежность к великой стране, представители которой внесли значительный вклад в развитие культуры, науки и искусства человеческой цивилизации.

Гордость и достоинство русской нации, сочетаются с проявлением миролюбия и добрососедских отношений с другими народами. У русских отсутствует комплекс «народа-господина». Быть самим собой, сохранять неповторимый колорит национальной культуры – устойчивое стремление россиян на протяжении всей тысячелетней истории их существования.

Действенность проявления патриотических чувств наступает в годину тяжелых испытаний для нашей Родины. «Пришло время для каждого русского доказать свою любовь к Родине», – писали молодые русские офицеры в 1812 году своим родителям и близким перед отправлением в армию М.И. Кутузова. Патриотизм без действия – мертвый патриотизм.

И среди других особенностей подчеркивающих национальную идентичность – высокая гуманистическая направленность русской патриотической идеи, приверженность православию, соборность и законопослушание и др.

Результаты и выводы. Продолжая боевые традиции Отечественной войны 1812 года, Русь вернулась к своим истокам патриотизма и во времена жесточайших испытаний Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., наш народ с честью и величайшим мужеством прошел этот страшный и многострадальный путь.

Доктор исторических наук, профессор из Майкопа Е.М. Малышева в своей работе: «Россия и Германия: плюрализм памяти о Великой Победе», вспоминает любопытный факт, как в ходе российско-германской конференции в Волгограде «Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет» – историки двух воевавших друг с другом стран посетили захоронения погибших в битве на Волге. У входа к могилам германских солдат бросилась в глаза надпись, сделанная современными немцами: «Нашим павшим товарищам и бывшим противникам с мольбой о мире...» [11].

Несомненно, мы – мирный народ и всегда ценим дружбу, но с захватчиками и агрессорами поступаем жестко, и без жалости. Разве лет двадцать тому назад, мы позволили бы установить поминальные доски на могилах немецких солдат?

Отходчива «русская душа»! Потеряв более двадцати семи миллионов наших сограждан, мы проявляем высочайший гуманизм к павшему противнику. Христианские ценности нам не чужды!

Таким образом, Россия отличается от других стран мира тем, что, оказываясь на краю пропасти, каждый раз находила в себе силы «возродиться из пепла», становясь еще более сильной и сплоченной державой. Примеров в нашей истории более чем достаточно. Отсюда – наша уверенность в преодолении кризиса современной жизни, в успешном проведении

реформирования многочисленных отраслей экономики, науки, образования и т.д. Но это потребует от каждого из нас напряжения своих духовных и физических сил во имя своего народа, своей Родины.

Примечания:

1. Патриотизм – духовный стержень народов России. (Отв. ред. Г. Куманев). М., 2006. С. 9.
2. Лутовинов В., Карпов В. Патриотизм, верность воинскому долгу – неотъемлемые качества российского воина // Ориентир. 2000. № 6.
3. Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. Жуковский. М.: изд-во «Кучково поле», 2001. С. 135–143.
4. Тарле Е.В. Бородино. Избр. соч. в IV томах. Том первый. Ростов-н/Д: изд-во «Феникс», 1994. С. 389–477.
5. Януш С.В., Мамасьян С.А. Вопросы военного строительства в курсе «Отечественной истории», часть I (IX – нач. XX вв.). Учебно-методическое пособие. Ставрополь, СВВАИУ (ВИ), 2009. С. 33–35.
6. Беловинский Л.В. С русским воином через века. М.: изд-во: «Просвещение», 1992. С. 5-8.
7. Драгомиров М.И. Избранные труды // Вопросы воспитания и обучения войск (Под ред. доктора исторических наук профессора Л.Г. Бескровного). М.: Воениздат. 1956. С. 326.
8. Патриотизм – один из решающих факторов безопасности Российского государства (Под общ. ред. В.А. Золотарева, Г.А. Куманева). М.: изд-во «Экономическая литература», 2006. С. 3–19.
9. Цыбулько М. Генерал из легенды. Документально-художественная повесть. Ставрополь, 2000.
10. Герои и битвы. Общедоступная военно-историческая хрестоматия. М.: изд-во «Современник», 1995. С. 262.
11. Материалы Второй Международной научной конференции «Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет». Волгоград, 2003.

References:

1. Patriotizm – dukhovnyi sterzhen' narodov Rossii. (Otv. red. G. Kumanev). M., 2006. S. 9.
2. Lutovinov V., Karpov V. Patriotizm, vernost' voinskomu dolgu – neot'emlemnye kachestva rossiiskogo voina // Orientir. 2000. № 6.
3. Zolotarev V.A., Saksonov O.V., Tyushkevich S.A. Voennaya istoriya Rossii. Zhukovskii. M.: izd-vo «Kuchkovo pole», 2001. S. 135–143.
4. Tarle E.V. Borodino. Izbr. soch. v IV tomakh. Tom pervyi. Rostov-n/D: izd-vo «Feniks», 1994. S. 389–477.
5. Yanush S.V., Mamas'yan S.A. Voprosy voennogo stroitel'stva v kurse «Otechestvennoi istorii», chast' I (IX – nach. XX vv.). Uchebno-metodicheskoe posobie. Stavropol', SVVAIU (VI), 2009. S. 33–35.
6. Belovinskii L.V. S russkim voinom cherez veka. M.: izd-vo: «Prosveshchenie», 1992. S. 5-8.
7. Dragomirov M.I. Izbrannye trudy // Voprosy vospitaniya i obucheniya voisk (Pod red. doktora istoricheskikh nauka professora L.G. Beskrovnogo). M.: Voenizdat. 1956. S. 326.
8. Patriotizm – odin iz reshayushchikh faktorov bezopasnosti Rossiiskogo gosudarstva (Pod obshch. red. V.A. Zolotareva, G.A. Kumaneva). M.: izd-vo «Ekonomicheskaya literatura», 2006. S. 3–19.
9. Tsybul'ko M. General iz legendy. Dokumental'no-khudozhestvennaya povest'. Stavropol', 2000.
10. Geroi i bitvy. Obshchedostupnaya voenno-istoricheskaya khrestomatiya. M.: izd-vo «Sovremennik», 1995. S. 262.
11. Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Stalingrad: chemu russkie i nemtsy nauchilis' za 60 let». Volgograd, 2003.

УДК 94

О высокой гуманистической направленности русской патриотической идеи

¹ Сергей Владимирович Януш

² Сергей Иванович Линец

¹ Ставропольский государственный аграрный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

² Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Россия нуждается в профессионалах, соответствующих требованиям международных стандартов, высококвалифицированных, широко образованных, юридически грамотных специалистах, обладающих гражданской зрелостью и высокими морально-нравственными качествами патриотов службы. Современное российское общество желает видеть в работниках всех уровней, людей с глубоким пониманием гражданского смысла и социальной значимости своей деятельности, прочными духовно-нравственными основами, обладающими высокой культурой поведения.

Подготовка таких специалистов тесно связана с патриотическим воспитанием, созданием в обществе ценностно-мотивационного ядра и ресурсной базы возрождения России через воспроизводство человека культуры, гражданина, патриота, нравственной, ответственной, соборной и духовной личности, опирающейся на четкие ориентиры, идеи и идеалы российского патриотизма. Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Именно высокая патриотическая идея, идея государственности и есть тот каркас, то основание, на котором и может выстраиваться духовность современного российского общества и его будущее».

Патриотизм как явление национальной духовности и компонент общественного сознания в настоящее время, когда Россия «собирает камни» своей истории, актуален для российской действительности не в меньшей степени, чем много столетий назад. Могущество любой страны во многом определяется силой патриотизма ее граждан.

Ключевые слова: Отечество; Русь; патриотизм; традиции; армия и флот; военная служба; верность; христианские ценности.

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 93/94

Soviet-German Relations in 1940–1941

Amiran T. Urushadze

Southern Federal University, Russian Federation
344090, Rostov-on-Don, Zhmaylova st, 23, apt. 3
Institute for Socio-Economic and Humanities Research Southern Research Center of Russian
Academy of Sciences, Russian Federation
344006, Rostov-on-Don, Chekhov st, 41
PhD (History)
E-mail: urushadze85@mail.ru

Abstract. In article On the basis of published sources comprehensively analyzes the main stages in the development of Soviet-German relations in 1940-1941. Critically examine some stereotypical assessment, widely spread in the nonfiction works and historiography. Isolated and characterized the main motives and objectives that determined the foreign policy of the USSR and Germany.

Keywords: Soviet-German relations; the foreign policy of the USSR.

Введение. Страницы истории кануна Великой Отечественной войны и предшествующих военному столкновению СССР и Германии дипломатических маневров широко дискутируются как научным сообществом, так и в общественно-политической сфере. Именно на примере полемики вокруг сущности и характера советско-германских отношений в 1940–1941 гг. отчетливо видны способы и механизмы использования прошлого в деле достижения политических целей путем формирования нужного общественного мнения.

В эпоху «холодной войны» два противоборствующих лагеря культивировали собственные, различные версии и оценки ряда событий и явлений истории Второй мировой войны. В странах западной демократии было принято если не приписывать, то подчеркивать решающую роль в победе над фашизмом США, Великобритании и Франции. В свою очередь в СССР был успешно создан образ «хитрого» союзника-капиталиста, примкнувшего к героической борьбе советского народа уже после того как были развеяны последние сомнения в его скорой и решительной победе. Данные стереотипные версии прошлого одинаково далеки от истины и очевидно созданы для общественного потребления. Однако с началом перестройки и крахом СССР советское общество было вынуждено отказаться от устоявшихся идеологем. Эпоха тотальной «переоценки ценностей» не принесла адекватного понимания места страны в мире и правды ее истории. Место рухнувших «символов веры» заняли новые, не менее спорные кумиры. Последствия подобной инверсии будут сказываться еще долгое время.

Наибольшую опасность для массового исторического сознания россиян без сомнения представляет закрепление некоторых сомнительных в научном плане и до предела политизированных оценок истории Второй мировой войны и Великой Отечественной как ее составной части.

Дело в том, что для современной России память о событиях Войны и ее многочисленных жертвах остается единственной морально-нравственной скрепой, объединяющей, консолидирующей многонациональное и поликонфессиональное население. Кроме того, следует согласиться с ранее высказанным тезисом о стремлении власти сохранить память о войне в качестве главного и по сути единственного связующего звена между Россией современной и ее советским прошлым [1]. Учитывая это неудивительно, что в последние годы наблюдается стремительное «огосударствление» памяти о войне. Политизацию событий 1939–1945 гг. можно наблюдать как в России и странах постсоветского пространства, так и в Европе и Северной Америке.

Материалы и методы. В свете этого, очевидно, что каждая новая попытка объективного и беспристрастного анализа различных эпизодов и явлений истории Второй мировой войны будет иметь и научную и общественную актуальность. Интерес к истории советско-германских отношений накануне Великой Отечественной войны активно подогревается сопутствующей идейной и политической борьбой, различные аспекты и влияние которой уже анализировалось в отечественной историографии [2].

В данной работе на основе открытых источников будет проведен комплексный анализ содержания двусторонних взаимоотношений и контактов СССР и Германии в 1940–1941 гг., а также определено их значение в развитии международной политики этого периода времени.

Обсуждение. Вопреки ныне распространенному в публицистике мнению, советско-германские отношения после заключения пакта о ненападении и подписания договора о дружбе и границе в августе-сентябре 1939 г. в последующие два года развивались крайне противоречиво, изобилуя взаимными претензиями и подозрительностью. Ни одна из сторон не испытывала иллюзий по поводу достигнутых договоренностей.

Результаты. Улучшение отношений с СССР в 1939 г. Адольф Гитлер называл в кругу своих приближенных «браком по расчету» [3]. Лидеры двух держав, несмотря на формальные заверения в дружеском расположении, так никогда и не поверили друг другу. Этому препятствовала и непримиримая идеологическая вражда, и различные стратегические устремления. Гитлеру необходимо было обезопасить себя с Востока прежде начала решающих событий на Западе. Отдельно необходимо отметить, что для Германии большое значение имели и торговые соглашения с СССР, заключенные в конце 1939 – начале 1940 гг. Именно советские поставки сырья и продовольствия покрывали значительную часть потребностей рейха и смягчали последствия экономической блокады, которую, как ожидалось, с началом войны неизбежно должны были ввести Англия и Франция. Гитлер не намеревался предавать германо-советскому сближению долгосрочный характер. Почти сразу после подписания указанных документов Гитлер заявил министру иностранных дел Й. фон Риббентропу, что после победоносного завершения военной кампании на Западе, он выступит против СССР для завоевания столь необходимого германскому народу «жизненного пространства». О подобных намерениях Гитлер говорил и в ходе встреч с командованием вермахта. Так, после завершения первой фазы кампании против Франции, посетив штаб группы армий «А» в Шарлевилле, и встретившись с генералами Г. фон Рунштедтом и Г. фон Зоденштерном Гитлер «как бы ведя личную беседу сказал, что если, как он ожидает, Франция “отпадет” и будет готова к заключению разумного мира, то у него, наконец, будут развязаны руки для выполнения своей настоящей задачи – разделаться с большевизмом» [4].

Отметим, что такие планы германского фюрера прямо противоречили мнению главы немецкого МИДа. По воспоминаниям французского посла в Берлине Р. Кулондра союз с СССР стал навязчивой идеей Риббентропа, которой он отдавал все силы и, с воплощением которой связывал надежды на процветание и несокрушимость Германии [5].

О внешнеполитических целях СССР можно судить по словам Иосифа Сталина, сказанным 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет распатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем

маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались» [6]. Видеть в этих тезисах Сталина «приверженность к мировой революции» или «коминтерновское мышление» не только опрометчиво, но и ошибочно. Столь же абсурдно рассматривать эти и другие подобные слова Сталина и его окружения как свидетельство того, что СССР готовился начать первым новую мировую войну. Следовательно, это же относится и к тезису об антисоветской агрессии Гитлера как о «превентивной» войне Германии. Внимательное и беспристрастное прочтение выступлений Сталина по проблемам войны и мира в Европе в 1939-1940 гг. убеждает в том, что советская политическая элита считала, что «империалистическая война» уже давно идет и проявляется в тотальной милитаризации, имперских амбициях, территориальных захватах и воинственной риторике Германии, Италии и Японии.

В результате достигнутых с Германией соглашений Сталин получил пусть и временные, но все же гарантии от германской агрессии и «капиталистического окружения», которого он всерьез опасался [7]. Очевидно, что тактический договор с Германией был просто необходим СССР после провала попыток создания системы коллективной безопасности. Как и для немецкой стороны, торговые соглашения имели большое значение в планах советского руководства. За счет немецких поставок СССР укреплял свой оборонный и промышленный потенциал. О значимости и принципиальности вопроса немецких поставок красноречиво говорит тот факт, что его курировал лично Сталин. Советских военных заказов было так много, что Германия не раз пыталась договориться об отсрочке их выполнения, но неизменно встречала жесткий отказ советской стороны. На советско-немецких переговорах, посвященным вопросам экономических связей, которые проходили в Москве в конце 1939 – начале 1940 гг. главной темой было урегулирование взаимных поставок. Сталин, возглавлявший советскую делегацию, в первые дни 1940 г. согласился на сокращение советских заказов, но настаивал на ежеквартальной балансировке взаимных поставок. Германские дипломаты указывали на невыполнимость подобных условий ввиду вступления рейха в войну. Риббентроп в письме к Сталину от 5 февраля 1940 г. прямо настаивал на получении поддержки от советского правительства «в нашей войне с Англией и Францией путем возможно быстрых и объемлющих поставок сырья» [8]. Сталин пошел на уступки немецкой стороне и 8 февраля предложил компромиссное решение. Для советских поставок устанавливался срок в 18 месяцев, а для немецких – 32 месяца. Регламентировался также и период взаимной балансировки поставок. Для первого года соглашения необходимо было балансировать взаимные поставки каждые 6 месяцев, а во втором – каждые 3 месяца [9]. Именно на таких условиях 11 февраля 1940 г. в Москве было подписано Хозяйственное соглашение между СССР и Германией [10].

Данные договоренности имели утилитарный характер и не свидетельствовали о складывании советско-германской коалиции. Об этом однозначно заявляли советские дипломаты в ответ на вопросы-упреки внешнеполитических ведомств Англии и Франции. Торговые соглашения были заключены только в двустороннем формате и не распространялись на союзников Германии, в частности Италию, торговые связи с которой имели собственную историю и логику развития. Летом 1940 г. Риббентроп через советского посланника в Берлине А. Шкварцева обращался к руководству СССР с просьбой о продаже нефтепродуктов Италии. Показательно, что советская сторона корректно (ссылаясь на испорченные торговые отношения с Италией), но твердо ответила отказом [11].

Сближение с Германией отнюдь не являлось доминантой советской внешней политики. Руководство СССР пыталось маневрировать в условиях роста противоречий, дипломатической и военной напряженности в Европе. Затянувшаяся и долгое время неудачно складывающаяся война с Финляндией сделала вполне реальной угрозу англо-французского вмешательства в этот конфликт. Кроме того, советская дипломатия, идя на сближение с Германией, всеми силами пыталась показать истинность и нерушимость своего нейтралитета по отношению к англо-французскому противоборству с Гитлером. Эти соображения стали причиной заметного охлаждения советско-германских отношений в феврале – марте 1940 г. Поначалу претензии советской стороны выглядели вполне безобидно: трудности с визами для немцев, задержки в передаче граждан Германии, отбывающих срок в советских тюрьмах. Но уже 5 марта СССР уведомил Германию, что использование базы «Норд» (бухта Западная Лица на южном побережье Мотовского залива,

неподалеку от Мурманска), переданной в распоряжение немцев в ноябре 1939 г. будет затруднено до конца финских событий [12].

Показательно также и то, что советская сторона под разными предложениями оттягивала, запланированный ранее, визит В. Молотова в Берлин для обмена ратификационными грамотами к договору от 28 сентября 1939 г. В марте 1940 г. немецкому послу в Москве Ф. Шуленбургу было дано указание вернуться к этому вопросу, но и в этот раз советское руководство уклонилось от обсуждения данной темы.

Эти и другие меры позволили СССР улучшить свои отношения с Англией и Францией, не отказываясь от немецких гарантий. О необходимости и актуальности подобных маневров говорит тот факт, что они не только актуализировали торговые соглашения СССР с Англией, но и замедлили разработку и воплощение в жизнь англо-французских планов по нападению на юг СССР. О таких отнюдь не дружественных намерениях было хорошо известно в Москве. Начиная с 31 декабря 1939 г. наркомат обороны СССР планомерно усиливал войска Закавказского военного округа (ЗакВО) путем призыва резервистов сверх штатов мирного времени [13].

История советско-германских отношений 1940–1941 гг. знает примеры не только дипломатических противоречий, но и открытых военных противостояний. В период советско-финской войны Германия тайно поддерживала финнов. В свою очередь советские военно-морские силы и авиация не церемонились с немецкими судами, появлявшимися в зоне боевых действий. Германия не оставалась в долгу. В ходе кампании в Северной Европе в апреле-июне 1940 г. немецкая артиллерия и истребители охотно сбивали советские самолеты, замеченные в небе Северной Норвегии [14].

Наиболее взвешенную оценку смысла и характера советско-германских отношений исследуемого периода дал О.В. Вишлев. Критикуя концепцию гармоничного и дружественного союза между СССР и Германией, основанную на формальных заверениях в союзных намерениях, исследователь отметил: «Шла большая дипломатическая игра, и все эти заявления и жесты преследовали совершенно определенные политические цели. Они отнюдь не свидетельствовали о наличии у сторон общих интересов и симпатий, которые были способны придать отношениям между ними стабильный, долговременный характер. Наоборот, они были призваны компенсировать отсутствие этой общности интересов, замаскировать подлинное отношение Берлина и Москвы друг к другу, не дать скрытому противоборству, которое шло между ними, раньше времени перерасти в открытый конфликт» [15].

Именно открытым конфликтом между двумя странами едва не закончилась оккупация войсками СССР территории стран Прибалтики. Расширяя свое присутствие в Эстонии, Латвии и Литве советское руководство, прежде всего, учитывало стратегическое значение Прибалтики в возможном будущем столкновении с Германией. Не отрицая того факта, что данный шаг являлся несомненной агрессией против независимых государств, скрытой за ширмой мнимой «народной воли», все же заметим, что гегемония союзного руководства пришла в Прибалтику на смену едва ли не более жестким, откровенно диктаторским режимам. Имел свои собственные планы в отношении стран Балтии и Гитлер. По свидетельствам латвийского посланника в Берлине Криевиня весной 1940 г. в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых балтийские государства были включены в состав немецкого рейха [16]. А уже начиная с 19 июня 5-ое (разведывательное) Управление РККА начинает регулярно сообщать о заметной концентрации сил вермахта на германо-литовской границе [17].

Этой ситуацией, по-видимому, решили воспользоваться Англия и Франция. С подачи англо-французских специальных служб в мировой прессе было широко растиражировано сообщение о том, что СССР собрал в Прибалтике ударный армейский «кулак» численностью в 100–150 дивизий для оказания давления на Германию. В опровержение подобных слухов 23 июня вышло специальное сообщение ТАСС, в котором с категоричностью утверждалось, что сообщения о расположении в Прибалтике крупного воинского контингента с агрессивными целями в отношении Германии «совершенно не соответствуют действительности».

Несколькими днями ранее, германский посол Шуленбург очевидно пытаясь дезавуировать информацию советской разведки о скоплении частей вермахта у литовской

границы, в беседе с Молотовым, посвященной событиям в странах Балтии и судьбе балтийских диктаторов заметил, что Литва не может контролировать свою границу с Германией и существует угроза перехода «литовских частей» [18].

Период 1940-1941 гг. в советско-германских отношениях отмечен и масштабной войной разведок. За два неполных года органы НКВД раскрыли 66 резидентур германской разведки, разоблачили 1596 германских агентов, из них 1338 в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике [19]. В западных пограничных районах СССР сотрудники НКВД вступали в частые столкновения и другие инциденты с пограничной полицией имперского управления безопасности.

После капитуляции Франции Гитлер получил долгожданную возможность повернуть военную машину вермахта на Восток. Наряду с этим немецкое командование начало разработку плана «Морской лев» - десантной операции на Британские острова. При этом Гитлер надеялся, что Англия запросит мира ранее начала немецкого десанта. Согласно записям главы немецкого генерального штаба Ф. Гальдера, фюрер на совещании в Бергхофе 13 июля 1940 г. говорил, что поражение Англии и распад Британской империи не принесет никакой пользы Германии, а сыграет на руку лишь «Японии, Америке и другим...» [20]. Спустя две недели 31 июля 1940 г. Гитлер уже прямо указывал Гальдеру о необходимости военной операции против СССР, которая, по мысли главы немецкого правительства, должна была начаться весной 1941 г. и продлится не более пяти месяцев: «Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше» [21] - полагал Гитлер.

С осени 1940 г. советско-германские отношения стремительно теряют даже внешние признаки согласованности, основанной на общности «коренных интересах двух государств». Готовя агрессию против СССР, фашистская Германия активизировала дипломатические усилия на Балканах. После окончательного краха Версальской системы, ознаменованной поражением Франции в войне с Германией, обнажились противоречия и территориальные споры между Венгрией, Болгарией и Румынией. Венгрия была готова к военным действиям с целью отвоевать у Румынии Трансильванию. Возрастающая напряженность на Балканах не могла не беспокоить Германию, учитывая ее зависимость от поставок румынской нефти. Возможная крупная война на Балканах беспокоила также Италию. Внешнеполитическими ведомствами Германии и Италии было выработано компромиссное решение конфликта. В конце августа 1940 г. Риббентроп и министр иностранных дел Италии Г. Чиано пригласили в Вену представителей Венгрии и Румынии. В ходе встречи союзники по «Стальному пакту» смогли навязать венграм и румынам свои условия. Венгрия получила северную Трансильванию, а Румынии была гарантирована неприкосновенность ее новых границ.

Венские договоренности неизбежно должны были вызвать подозрительность и недовольство СССР. Риббентроп поручил Шуленбургу сообщить советской стороне о достигнутых результатах и представить роль Германии в «лучшем свете». Однако Шуленбургу не удалось усыпить внимание Молотова, который в беседе с немецким посланником жестко указал на факт нарушения Германией договора о ненападении от 23 августа 1939 г., где кроме прочего оговаривалась необходимость консультаций по вопросам интересующих обе стороны. Эта дипломатическая «пикировка» проходила для советского правительства на фоне многочисленных сообщений о концентрации немецких войск в приграничных районах.

Параллельно с усилением своих позиций на Балканах, Германия с июня 1940 г. готовила союзное соглашение с Италией и Японией. Итогом дипломатической активности Берлина стало подписание 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта. В тексте договора говорилось: «Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе» (ст. 1); «Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии в установлении нового порядка в Велико-азиатском пространстве» (ст. 2). Если же одна из трех стран подвергнется нападению какой-либо державы, то они будут помогать друг другу «всеми политическими, экономическими и военными средствами» (ст. 3) [22]. Надо отметить, что в период подготовки и подписания Тройственного пакта Германия проявляла заинтересованность в том, чтобы заключение данного союза не рассматривалось как непосредственная угроза СССР. В договоре было сказано: «Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение не затрагивает

политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией» (ст. 5) [23]. Кроме того, германское правительство приняло решение проинформировать СССР о союзе ранее его подписания. Это было сделано 26 сентября поверенным в делах Германии в СССР В. Типпельскирхом (Шуленбург в это время находился в Берлине). Дипломатические ухищрения Берлина диктовались не попечением «о нерушимости» советско-германских отношений, а соображениями времени, которое было необходимо для сосредоточения сил вермахта против СССР. Это прекрасно понимали в Москве, тем более, что начиная с августа 1940 г. на стол высшему советскому руководству ежедневно ложились отчеты, рапорты, донесения о переброске немецких дивизий на восток.

В октябре 1940 г. после ввода немецких войск в Румынию напряженность в советско-германских отношениях начинает перерастать в конфронтацию. Это чувствовали как в Москве, так и в Берлине. Разрядке напряженности могла бы способствовать только встреча на высшем уровне. Германия вновь возвращается к своим предложениям о визите Молотова в Берлин. 13 октября 1940 г. Риббентроп отправляет письмо Сталину, в котором кроме туманных заверений в союзнических намерениях содержалась просьба о крайней необходимости личной встречи руководства двух стран. Как уже было отмечено В.Я. Сиполсом, письмо Риббентропа не содержало никаких указаний на перспективу или возможность присоединения СССР к Тройственному пакту [24]. Смысл обширного письма немецкого министра сводился к предложению по организации визита Молотова, приезд которого в Берлин «дал бы фюреру возможность изложить господину Молотову лично свои мысли о дальнейшем устройстве отношений между нашими двумя странами» [25]. Представляется, что однозначно исключать возможность действительного намерения Риббентропа ввести СССР в Тройственный пакт, в свете новейших исследований было бы неверно [26]. Тем более что в немецком МИДе заметную роль играла именно «партия союза с Россией». В нее входил глава немецкого посольства в Москве Шуленбург.

Согласно свидетельству советника германского посольства в СССР Г. Штарке: «в основу своей миссии в Москве Шуленбург ставил укрепление советско-германского сотрудничества... <...> с большим уважением отзывался о руководителях Советского государства – Сталине и Молотове, а объявление войны Германией Советскому Союзу характеризовал как безумный акт, сведший на нет все его старания упрочить мир между двумя странами» [27].

Сторонником военного союза с СССР был и генерал Карл Хаусхофер – классик германской геополитики. Хаусхофер уверял Риббентропа в необходимости формирования так называемого «континентального блока» - оси Берлин – Москва – Токио. Появление такого альянса стало бы, по мысли Хаусхофера, началом конца англо-американского господства в мире [28]. Однако Риббентроп, часто пребывавший в нерешительности и неспособный противиться воле Гитлера, не смог отстоять идеи немецкого профессора, которые, в значительной степени, он разделял и сам. Именно антибольшевистские предубеждения и стереотипы Гитлера, а не концепция Хаусхофера и взгляды Риббентропа – сыграли решающую роль в определении вектора развития германской внешней политики.

На переговорах в Берлине «двойная игра» Гитлера и Риббентропа продолжилась. Для Риббентропа развитие дружественных отношений с СССР было главной целью, но вместе с тем рейхсминистр прекрасно понимал, что встреча с Молотовым является прекрасной возможностью остановить наметившееся англо-советское сближение. Именно этим объясняется предложение по дележу колониального наследия Британской империи, которые Риббентроп озвучивал в ходе переговоров. Как и Риббентроп, Гитлер на переговорах в Берлине настойчиво повторял, что Англия разгромлена и великим державам (Германии, СССР, Италии, Японии) необходимо перейти к новому миропорядку. В ходе беседы с Молотовым 12 ноября рейхсканцлер предлагает СССР участвовать в Тройственном пакте как четвертому партнеру и просит советскую делегацию указать регионы мира, входящие в сферу интересов советского государства. Молотов был готов перейти к конкретным вопросам, но эта беседа двух политиков была прервана по предложению Гитлера, сославшегося на возможность воздушной тревоги. Как расценивать подобное предложение Гитлера? Это было попыткой окончательно перетянуть СССР на свою сторону

или лишь «дымовой завесой», провокацией рассчитанной на неосторожность Молотова и советского руководства?

Из дальнейшего хода переговоров видно, что предложение Гитлера о вступлении СССР в Тройственный пакт имело характер своеобразного дипломатического блефа, рассчитанного очевидно на то, что советская сторона втянется в обсуждение контуров новых мировых границ и сфер влияния. На последующей 13 ноября встрече Гитлер не стал конкретизировать свое предложение. Риббентроп в тот же день и вовсе предложил только «сырые мысли», касающиеся «сотрудничества между государствами – пакта трех и СССР» [29]. Молотов не стал обсуждать «сырые мысли» Риббентропа, а попытался перейти к вопросам, прямо затрагивающим безопасность СССР, в частности к проблеме статуса черноморских проливов. Глава немецкого МИДа отказался предметно обсуждать этот вопрос без предварительной встречи с итальянскими коллегами [30]. Более того, в ходе беседы Риббентроп заметил, что перед ним «поставлено больше того количества вопросов, на которые он в состоянии ответить» [31].

Таким образом, для немецкой стороны встреча в Берлине была не поводом для развития и укрепления советско-германских отношений, а тем более не возможностью для присоединения СССР к пакту трех, а дипломатическим маневром, преследовавшим две основные цели:

1) Широкими жестами и декларациями снять напряженность в двусторонних отношениях и, тем самым, сгладить впечатление от заключения Тройственного пакта.

2) Попытаться вбить клин между СССР и Англией, дав советскому руководству вволю пофантазировать на тему передела мира.

Справедливость и обоснованность подобной оценки подтверждаются и тем, что организация визита Молотова в Берлин являлась не единственным мероприятием немецкого правительства, призванного замаскировать военные приготовления Германии. Это же значение имели переговоры торговой делегации Германии в Москве (декабрь 1940 – январь 1941 гг.), заключение договора о доставке в Германию 2,5 миллионов тонн зерна, которое обеспечило бы питанием немецкое население до конца 1942 г. (февраль 1941 г.), планы постройки дипломатического «немецкого городка» в советской столице (1940–1941 гг.) [32].

Через месяц после переговоров в Берлине 18 декабря Гитлер подписал секретную директиву № 21 – план «Барбаросса», который активно разрабатывался с июля 1940 г.

После некоторого дипломатического затишья первых месяцев 1941 г. настоящая буря в советско-германских отношениях разразилась после подписания советско-югославского договора о дружбе и ненападении 5 апреля 1941 г. Подписание договора произошло уже после того как Гитлер отдал приказ о начале военной кампании против Югославии. Внешнеполитический демарш СССР был расценен немецкими и итальянскими дипломатами как выражение крайнего недовольства СССР, а также в качестве свидетельства о серьезной смене курса в его международной политике. Так, в частности посол Шуленбург отметил следующее: «Дружественный пакт между СССР и Югославией – это акт не только простого недовольства со стороны СССР, а акт, могущий явиться началом коренного изменения во внешней политике СССР...» [33]. Германию заключение советско-югославского пакта не остановило. 6 апреля 1941 г. вермахт перешел в наступление. Через десять дней югославская армия была разгромлена и 18 апреля Югославия капитулировала.

Заклучив соглашение с Югославией, советское руководство пыталось выиграть время для подготовки уже неизбежного военного противостояния с Германией. Но надеждам на затягивание германо-югославской войны не суждено было сбыться. В изменившейся обстановке СССР круто меняет внешнеполитическую тактику и на протяжении весны – начала лета 1941 г. всячески демонстрирует свою готовность к конструктивному и взаимовыгодному диалогу с германской стороной. «Замороженные» в феврале-марте советские хозяйственные поставки в Германию в апреле были не только выполнены, но и перевыполнены в объеме за весь квартал. В апреле советская сторона продемонстрировала невиданную ранее сговорчивость в ходе переговоров по пограничным вопросам. В начале мая Кремль закрыл все дипломатические миссии стран, оккупированных Германией (в том числе и югославское представительство). Вместе с тем, СССР крупными военными учениями, парадами, выдвиганием войск к западной границе показывал возросшую мощь

Красной армии и ее готовность отразить любую агрессию. Все эти меры были замечены Берлином, но не смогли поколебать намерений Гитлера.

Заключение. Советско-германские отношения в 1940-1941 гг. были борьбой двух сторон, каждая из которых преследовала собственные цели. Германии «мир на Востоке» необходим был для успешного проведения военных операций против Франции и Англии. СССР в планах Гитлера являлся потенциальной жертвой, а не союзником. Это не означает, что в Германии среди дипломатов и политиков не было иного мнения в отношении места советской России во внешней политике рейха, однако, «воля фюрера» имела куда как большее значение. Для СССР развитие советско-германских отношений было средством прорыва дипломатической изоляции и важным фактором обеспечения безопасности. Нарастание напряженности между двумя державами было неизбежно ввиду экспансионистских устремлений гитлеровской Германии, растущего военно-политического потенциала СССР и невозможности долговременной гармонизации их обоюдных интересов и устремлений.

Примечания:

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XX, 2010. С. 235-236.
2. Трут В.П. Общественно-политическая и научная актуальность проблем кануна и начальных периодов Второй Мировой и Великой Отечественной войн // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международной научной конференции (1-2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону) Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 14-17.
3. Цит. по: Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 9.
4. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 18-19.
5. Молодяков В.Э. Берлин-Москва-Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. С. 33.
6. Цит по: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 252.
7. Молодяков В.Э. Берлин-Москва-Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. С. 35.
8. Цит. по: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 258.
9. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 259.
10. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 259.
11. 1941 год. Кн. 1. С. 19-20.
12. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 261.
13. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 262-263.
14. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 110.
15. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 111.
16. История внешней политики СССР. Т.1. 1917-1945. М.: «Наука», 1980. С. 394.
17. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 42-43.
18. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 41.
19. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 117.
20. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 116.
21. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 138.

22. Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940 // <http://avalon.law.yale.edu/wwii/triparti.asp> (Дата обращения: 15.09.2013).
23. Ibid.
24. Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и Новейшая история. 1996. № 3. С. 34.
25. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 310.
26. Молодяков В.Э. Берлин-Москва-Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. С. 44.
27. Тайны дипломатии Третьего Рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944-1955 / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: МФД, 2011. С. 509.
28. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.
29. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. С. 72.
30. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. С. 76.
31. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. С. 77.
32. Тайны дипломатии Третьего Рейха. С. 368-370.
33. Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М.: «Мосгорархив», 1995. С. 24.

References:

1. Bordyugov G.A. Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati. М.: АИРО-XX, 2010. S. 235-236.
2. Trut V.P. Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya aktual'nost' problem kanuna i nachal'nykh periodov Vtoroi Mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voin // Voyna v istorii i sud'bakh narodov yuga Rossii (k 70-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny): Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (1-2 iyunya 2011 g., Rostov-na-Donu) Otv. red. akad. G.G. Matishov. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2011. S. 14-17.
3. Tsit. po: Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. М.: Nauka, 2001. S. 9.
4. 1941 god. Кн. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. М.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 18-19.
5. Molodyakov V.E. Berlin-Moskva-Tokio: k istorii nesostoyavsheisya «osi», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. S. 33.
6. Tsit po: Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 252.
7. Molodyakov V.E. Berlin-Moskva-Tokio: k istorii nesostoyavsheisya «osi», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. S. 35.
8. Tsit. po: Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 258.
9. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 259.
10. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 259.
11. 1941 god. Кн. 1. S. 19-20.
12. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 261.
13. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 262-263.
14. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. М.: Nauka, 2001. S. 110.
15. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. М.: Nauka, 2001. S. 111.
16. Istoriya vneshnei politiki SSSR. T.I. 1917-1945. М.: «Nauka», 1980. S. 394.
17. 1941 god. Кн. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. М.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 42-43.

18. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 41.
19. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. M.: Nauka, 2001. S. 117.
20. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 116.
21. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 138.
22. Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940 // <http://avalon.law.yale.edu/wwii/triparti.asp> (Data obrashcheniya: 15.09.2013).
23. Ibid.
24. Sipols V.Ya. Eshche raz o diplomaticheskoi dueli v Berline v noyabre 1940 g. // Novaya i Noveishaya istoriya. 1996. № 3. S. 34.
25. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 310.
26. Molodyakov V.E. Berlin-Moskva-Tokio: k istorii nesostoyavsheisya «osi», 1939-1941. M.: AIRO-XX, 2000. S. 44.
27. Tainy diplomatii Tret'ego Reikha: Germanskie diplomaty, rukovoditeli zarubezhnykh voennykh missii, voennye i politseiskie attashe v sovetskom plenu. Dokumenty iz sledstvennykh del. 1944-1955 / Otv. red. V.S. Khristoforov. M.: MFD, 2011. S. 509.
28. Khauskhofer K. O geopolitike: Raboty raznykh let. M.: Mysl', 2001. С. 371–418.
29. Dokumenty vneshnei politiki. 1940 – 22 iyunya 1941. T. XXIII. Kn. 2. 1 noyabrya 1940 – 1 marta 1941. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. S. 72.
30. Dokumenty vneshnei politiki. 1940 – 22 iyunya 1941. T. XXIII. Kn. 2. 1 noyabrya 1940 – 1 marta 1941. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. S. 76.
31. Dokumenty vneshnei politiki. 1940 – 22 iyunya 1941. T. XXIII. Kn. 2. 1 noyabrya 1940 – 1 marta 1941. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. S. 77.
32. Tainy diplomatii Tret'ego Reikha. S. 368-370.
33. Sekrety Gitlera na stole u Stalina. Razvedka i kontrrazvedka o podgotovke germanskoj agressii protiv SSSR. M.: «Mosgorarkhiv», 1995. S. 24.

УДК 93/94

Советско-германские отношения в 1940–1941 гг.

Амиран Урушадзе

Южный федеральный университет, Российская Федерация

344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Жмайлова, д. 23, к.3

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д. 41

Кандидат исторических наук

E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. В статье на основе опубликованных источников комплексно проанализированы основные этапы развития советско-германских отношения в 1940–1941 гг. Критически рассмотрены некоторые стереотипные оценки, получившие широкое распространение в публицистических работах и историографии. Выделены и охарактеризованы основные мотивы и цели, определявшие внешнеполитический курс СССР и Германии.

Ключевые слова: советско-германские отношения; внешняя политика СССР.

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 94(47)

Testimonies of Frontline Concerts of 1941-1945 by Actors and Audiences *

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
Kuban Naberezhnaya street, 4. Krasnodar city, 350063
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract. The paper examines the specific character of combatants' leisure activities during the Great Patriotic War of 1941-1945. The article, using private sources (private correspondence, diaries, memoirs), considers such form of leisure activities as frontline concerts. On the one hand, recollections of live performances by actors themselves, on the other – impressions and estimations by frontline soldiers are performed. Special attention is attached to the amateur performances by army amateur-talent groups.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941-1945; letters; diaries; memoirs; frontline daily routine; leisure-time; combatants; art; frontline concerts; amateur creativity.

Введение. Фотоснимки времен Великой Отечественной войны запечатлели и такие сюжеты: расположившиеся на поляне бойцы (кто – прислонившись к дереву, а кто и взобравшись на танк) неотрывно смотрят на артистов, зажигательно исполняющих свои номера, и, очевидно, не просто дарящих отдых на привале, но вносящих необыкновенные, нерядовые впечатления в повседневность комбатантов, или же площадь среди руин, лишь отдаленно напоминающих городские здания, на которой устроена импровизированная сцена с замершими вокруг людьми, не выпускающими из рук оружия, про которых ясно, что это краткая остановка на том пути, где вряд ли найдется место искусству. Так много написано о несовместимости ценностей искусства и войны, что этот момент их встречи как своего рода «момент истины», похоже, требует своего исследования. Тем более, в источниках нет недостатка. Многие творческие люди, выезжавшие на фронт в составе артистических бригад, впоследствии записали воспоминания, в большой степени фокусируясь на особенностях публики своих концертов, ее потребностях и эмоциональных реакциях. С другой стороны, впечатлениями об увиденных концертах делятся сами фронтовики: в письмах, дневниках, мемуарах. Зачастую речь идет об одном единственном за месяцы или годы пребывания на фронте концерте, и тем важнее та оценка, которая ему дается.

Обсуждение. Проблема концертного репертуара встала практически в первые дни войны, когда опытные работники искусств поняли, что выходить на сцену с тем, с чем «выходили вчера, как будто ничего не произошло», невозможно. Директор Московской государственной эстрады Б. Филиппов отметил в своем дневнике, что проблема подбора нового репертуара возникла уже в связи с выступлениями артистов на мобилизационных пунктах и в госпиталях. Взамен «мелких бытовых тем» потребовалась «героика, зовущая в

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.)».

бой, сатира, разящая фашизм, гражданская поэзия, пробуждающая патриотические чувства». Также подразумевалось, что репертуар должен нести отдых и веселье [1].

Рассказ Б. Филиппова о формировании летом 1941 г. концертной бригады, которая оказалась «первой группой московских артистов, выехавших на фронт», – ценное документальное свидетельство о посильном участии крупных советских артистов в Великой Отечественной войне. Поскольку шефство работников искусств над армией и флотом имело многолетние традиции еще со времен Гражданской войны, да и в период советско-финской войны в войска также выезжали артистические бригады, то первая фронтовая бригада московских артистов, несмотря на длительность согласований с Комитетом по делам искусств, была создана достаточно быстро. Состав бригады, выехавшей 12 августа 1941 г. в направлении Вязьмы (там располагалась база, откуда они разъезжали с концертами), был поистине звездным: В.Я. Хенкин («первый комик советской эстрады, мастер юмористического рассказа»), Л.А. Русланова (известная исполнительница русских народных песен), М.Н. Гаркави (популярный конферансье), артисты оперетты И. Гедройц и Калашникова, Кипиани (артист радио, баритон), Е. Шукевич («лучший иллюзионист Мосэстрады»), Т. Ткаченко (солистка балета Большого Театра), Борисенко и Жерехов (дуэт баянистов) и аккомпаниатор Руслановой Максаков («виртуоз на казанской гармошке»).

Концерты бригады проходили в домах культуры, клубах, но намного чаще – на открытых площадках. Самый первый концерт, к примеру, был организован на кладбище, а эстрадой служил грузовик. В репертуаре были отрывки («Парень из нашего города», «Суворов», «Собака на сене»), монтажи («Ленин» и «За Родину») и многое другое. Со временем артисты стали расцветивать концерты следующим образом: заранее через комиссара части узнавали фамилии лучших красноармейцев и командиров, и конферансье, объявляя концертные номера, посвящал их тому или иному герою. Это сближало красноармейцев с артистами, и они бурно реагировали. Объединяли их также походные условия жизни, так как, при всем желании командования воинских частей разместить артистов с комфортом, сделать это удавалось не всегда. Ночевать приходилось и на сеновале, и в избе с обилием клопов. Тем не менее, артисты поездкой остались довольны, а Хенкин и Русланова даже вернулись в Москву в форме танкистов.

Опыт выезда первой фронтовой концертной бригады содействовал организации следующих групп, а главное, прояснил, в каких именно коррективах нуждается концертный репертуар для фронта. Б. Филиппов записал в своем дневнике: «В программе каждой фронтовой группы обязательно должна быть и героика, и лирика, и политическая сатира. Необычайно важно учесть, что выступать приходится для различных родов войск. Мы видели, какую активную отдачу вызывала в авиационных частях песня о летчиках, которая случайно оказалась в репертуаре нашего певца. Я говорю случайно, потому что перед выездом певец не хотел брать с собой ноты этой песни. Он серьезно заявил, что ему необходимо блеснуть на фронте арией тореадора, поскольку она, без всякого сомненья, призывает ринуться в бой» [2].

В архивных фондах столичных театров в РГАЛИ сохранились отчеты о работе концертных бригад и отзывы на нее, которые показывают, насколько напряженным был концертный график артистов и в какой сложной обстановке им приходилось работать. Так, концертная бригада Московского театра оперетты под художественным руководством К.М. Новиковой (9 артистов), «работая по обслуживанию» частей 1-го Украинского фронта, с 15 февраля по 1 апреля 1944 г. дала в общей сложности 70 концертов. Бригада под руководством А.А. Бурдина, состоявшая из артистов нескольких московских театров (Московского театра драмы, Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, Московского театра оперетты), дала за 50 рабочих дней 151 концерт, перекрыв «все существующие» нормы [3].

Руководители бригад в своих отчетах стремились показать обстановку, в которой приходилось выступать артистам, передать атмосферу их общения со зрителями. Так, отчет бригады Московского государственного театра оперетты (в составе 10 чел.) начинается описанием перелета и выступлений в партизанских отрядах. Продолжается так: «В городе Мелитополе, где мы также первыми дали концерт в театре им. Шевченко, где в зрительном зале зияла громадная дыра в потолке, но зато сцена была уставлена настоящими декорациями и освещена софитами электроламп, несмотря на холод и сквозняки актеры

работали с каким-то особым подъемом и энтузиазмом, которые передавались зрителям и последние долго не отпускали исполнителей со сцены. Ну, а затем началась обычная для фронтовой поездки повседневная работа по обслуживанию частей РККА данного фронта. Работать, конечно, было очень трудно, учитывая время года» [4]. К отчетам прилагались отзывы, как правило, подписанные командирами частей, начальниками госпиталей. Встречаются отзывы, которые специально художественно оформлены военнослужащими и подписаны лично ими, что подтверждает большую признательность фронтовиков артистам.

Дневник А.Н. Цфасмана (художественного руководителя джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета) сохранил сведения о том, как «принимали» фронтовики джазовую музыку. Весной 1942 г. джаз-оркестр в полном составе выехал на фронт, где пробыл почти четыре месяца. Выступать приходилось на открытых площадках и в самых разных помещениях, в том числе в церкви («Джаз расположился у алтаря, а зрители – во всю длину храма»). После одного из концертов генерал-майор Лебедеко пригласил артистов, как это обычно было заведено, в свою «трехкомнатную землянку». Даже не будучи поклонником джаза, он похвалил оркестр «за сыгранность, за веселье, исходящее от каждого музыканта во время исполнения номеров. Хвалил за репертуар – как в смысле лирики, так и развлекательности. Хвалил, кстати, за внешний вид». По поводу последнего разгорелся спор, так как джазисты сомневались, что правильно сделали, приехав на фронт в смокингах. Но генерал категорически отверг идею военного обмундирования для артистов: «Здесь надо заставить людей забыть на время о своей тяжелой работе» [5].

Эмоции, которые пробуждали прибывавшие на передовую артистические бригады, были сильными и не всегда однозначными. Хотя пытавшиеся их зафиксировать в письмах или дневниках зрители наиболее часто использовали сравнение со «сном», однако, очевидно, что ощущения, которые они испытывали, были детерминированы самими условиями фронтовой повседневности.

Младший лейтенант В.П. Песков, служивший в стрелковой дивизии, описал в дневнике-воспоминаниях концерт артистов, прибывших на передовую из Беломорска и расположившихся на импровизированной сцене – в нише дома, угол которого был снесен снарядом. На фоне неубедительного комика и матроса с песней «А кто его знает», сорвавших жидкие аплодисменты, большой успех имела женщина, спевшая «что-то» хриплым голосом. Однако не она, а совсем другая исполнительница буквально заворожила бойцов, и это было связано с целым комплексом факторов: внешним видом, вокальными данными, манерой поведения. «Вот показалась девушка, Нина, как представил ее конферансье. Чистое открытое лицо. Сквозь белую тонкую ткань блузки ясно обозначались формы. Весь наряд ее венчала серенькая гофрированная юбочка, какие-то домашние тапочки. Каждый из нас заметил (и это особенно приятно было осознавать), что косметика не коснулась этого личика. Тишина стояла необыкновенная, казалось, прекратилось дыхание. Только по-прежнему нарушали тишину ритмические бухающие разрывы снарядов противника. Сейчас особенно чувствовалась неуместность их в этой обстановке». Грудным задушевым голосом девушка спела знакомого многим «Скворушку», и то «призрачное, неземное» впечатление, которое произвела она на зрителей, связывается автором дневника с естественностью исполнительницы. «Думалось, что она не сознает покоряющую силу своего голоса. Впечатление, производимое ею на бойцов, было потрясающим. Вот голос как-то неожиданно оборвался. Песня кончилась. Нина стояла перед оцепеневшими бойцами, без этих профессионально отработанных театральных жестов, без киваний, без нарочитого стремления распалить нас своим женским торсом. Вся фигура ее, застывшая в одной позе, будто вопрошала: “Чем я вам еще могу помочь?”. Вдруг юношеский чистый голос произнес: “Я вам еще спою”. И оттого, что это было сказано без конферансье и просьбы еще не пришедших в себя бойцов делало девушку по-домашнему уютной и трогательно простой». Если ответом на первую песню было ошеломление, тишина, отсутствие аплодисментов, то после второй бойцы очнулись и выразили свои чувства весьма разнообразно. «Кто рукоплескал, сжав винтовку меж колен, кто неистово топал, кто кричал. Нина неловко кивнула головой и исчезла. Поднялся сплошной рев. Она спела еще несколько песенок. Выходила просто постоять перед бойцами. Пока стояла – молчали. Уходила – снова поднимался рев. Нину хотелось просто видеть как олицетворение, как символ всего гуманного, чистого, непорочного» [6].

Иногда довольно трудно трактовать ситуацию, и даже на основании достаточно информативного источника сделать определенное заключение о том, что именно доминировало в отношении комбатантов к искусству, когда они не покидали концерта и под угрозой гибели. Можно допустить, что для части аудитории встреча с прекрасным, особенно в контрасте с обстановкой на передовой, была полна высокого смысла, упоительна, ошеломительна, и поэтому такие люди были способны «отключиться» от всего отвлекающего от процесса взаимодействия с искусством. Возможно, имели место пиетет, преклонение перед творчеством как особым видом человеческой деятельности. Не исключено, что суть дела заключалась в дисциплинированности, свойственной военным, не имевшим обыкновения действовать без приказа. Вполне вероятно и то, что артисты, зачастую не реагирующие на опасность в силу своей неискушенности в военной науке, внушали комбатантам особое почтение, и именно поэтому, даже вполне отдавая себе отчет в степени риска, те предпочитали оставаться на своих зрительских местах. На фоне безотчетной смелости выступающих фронтовики просто не могли себе позволить даже слабого намека на трусость.

Вышеприведенные размышления напрямую касаются фрагмента из интервью пулеметчика Дмитрия Ивановича Бакая (1921 г.р.), участника обороны Севастополя, трижды там раненного. «Помню, в Севастополе, когда 250 суток, не что-нибудь. И вот услышали мы, что в Севастополь приехали артисты. И попал я посмотреть артистов, за 8 месяцев [впервые]. Уже после второго ранения. Нас человека три-четыре с полка пошло. Нас послали от полка. Вы, пойдете, говорят, посмотрите концерт. Километра четыре мы шли пешком до нашего клуба. Клуб какой был? Вот такой настил, ну, как полхаты, неструганный, ничего, просто настил. Плащпалатками [занавешено], где раздеваются артисты. А тут сцена. Баянист [только], а больше никого не было, чтоб гитар или еще чего. И пели девчата под баян. Вот нас человек 150 собралось на поляне. И вот слышно... пушка выстрелила. И через нас снаряд пошел. Через некоторое время вторая выстрелила. А концерт идет, артисты поют. Как оно у них [внутреннее состояние] было – не знаю. А мы же военные. А военный каждый соображает: раз, два, три... четвертый артиллерийский налет всех уничтожит. Но никто, не командиры, не рядовые, никто не дал команду, что надо врассыпную, что надо в укрытие. Сидели и слушали концерт... и перестал обстрел. Представляете, перестали стрелять. Факт тот, что такие нервы были напряженные, а никто не ушел с места. Соскучились за вот этой духовностью, за песней. А когда заиграли “Вставай, страна огромная...” (голос срывается)» [7].

Источники личного происхождения сохранили самый широкий спектр мнений о фронтовых концертах: от восторженных, благодарных до прохладных и даже отрицательных. Конкретная оценка была, в первую очередь, связана с качеством концерта, но зависела и от множества других факторов: уровня запросов в сфере искусства и опыта общения с ним, имевшегося у военнослужащего, его настроения и общего состояния в данный момент, боевой обстановки и ее ближайших перспектив. Такую зависимость поразительно точно передает эпизод из воспоминаний Л.Г. Андреева, описывающий путь лыжного батальона к линии фронта. Солдаты, измученные холодом и голодом (уже несколько дней они питались, в основном, дохлой кониной), «много спали, больше сидели у костра, уставившись на слабый огонь, и молчали часами, днями. На третий день комвзвод, всунув голову в палатку, крикнул: “Пошли на концерт!”. Никто из нас не понял, о чем он говорит, но поднялись по армейской привычке и вывалились наружу. У штабной палатки, на снегу, лежали две плащ-палатки, стоял неизвестно откуда взявшийся стул. Вяло подходили солдаты. Когда собралась порядочная толпа, из палатки вышло пятеро: трое мужчин и две женщины. Они поразили нас больше, чем если бы перед нами выросли бы буханки хлеба с палатку величиной. Я смотрел концерт, почти ничего не воспринимая, не испытывая никаких ощущений, кроме возникшего во мне, как только я увидел гостей, волнения. Чувство затерянности, заброшенности, оторванности от всего мира, не покидавшее нас ни на минуту в полосе, где не было жизни, здесь, на лесной стоянке, почти перестало ощущаться, охватив нас целиком, выросло до размеров, уже не охватываемых нашим глазом» [8].

Военный переводчик В. Раскин, в силу своей искушенности, был достаточно скептически настроен по отношению к фронтовым зрелищным предприятиям. Писал с иронией:

«Сегодня у нас концерт джаза... Концерт не очень хороший, но и не совсем плохой по военному времени. С этой скидкой на войну как-то не могу свыкнуться. С горохом и пшеном я примирился, но плохих стихов не выношу: сознание по обыкновению отстает от бытия...». Другой концерт он оценил намного жестче: «Наши орфеи и [неразборч.] плюют на бороду музам и грациям... Какой хлам подносят эти халтурщики!» [9]. «Очередной халтуркой» назвал в письме жене прошедший в его стрелковом полку концерт старший лейтенант Н.С. Воронин [10]. Капитан А. Шкудов также остался недоволен концертом артистов из Казахской ССР, который не тронул за «живое» [11].

Очевидно, нередко имело место несопадение запросов фронтовиков и предложения артистических бригад. Рядовой В. Цоглин писал матери и сестре в Москву: «К нам приезжали из Госцирка, бригада; отхалтурили и смылись. Конечно, удовольствие кое-какое принесли, посмеяться вдоволь можно было. Шуточки все сальные, но для нашей аудитории сгоди. Такие бы номера у вас не допустили. Поганой метлой с подмостков согнали бы» [12]. На этом фоне выделяются положительные отзывы о выступлениях армейских ансамблей, зачастую представлявших более качественный, а главное – понятный и близкий для воюющих репертуар. Военный переводчик В.И. Стеженский (до войны – студент Московского института истории, философии и литературы) в мае 1942 г. охарактеризовал концерт фронтовой бригады как слабый в сравнении с выступлением армейского ансамбля, приезжавшего неделей раньше. Тогда он отозвался похвалой в дневнике: «Получил вчера большое удовольствие от концерта армейского ансамбля. Многие номера можно смело показывать в Москве» [13]. Артиллерист, капитан И.С. Горохов в августе 1942 г. также хвалил в письме, адресованном жене-певице в г. Горький, именно армейский творческий коллектив: «На огневую позицию моей батареи приехала группа артистов красноармейского ансамбля песни и пляски. Всем существом своим я отдохнул. Впервые за всю войну я услышал музыку. Душа моя переживала самые несбыточные фантазии...» [14].

Таким образом, успех концерта зависел и от профессионализма артистов, и от правильного подбора репертуара, учитывающего реалии жизни воюющего человека. Как писал А. Раскин, чья часть находилась в лесу («в моем домике дверь из коры дерева, стены из дерева, потолок из палаток пахнет матерью-землей и сосняком»): «Здесь бывают иногда концерты. Есть замечательный репертуар, созданный войной. Это большей частью лирика на тему о тоскующей подруге жизни, о плачущей матери, ждущей сына. Эти песни вызывают у многих слезы. Должен сказать, что здесь люди еще более чувствительны» [15].

Как видим, наряду с концертами профессиональных артистов либо самодеятельности, организованной в тылу специально для выездов на фронт, широкое распространение имело такое явление как выступления самодеятельных коллективов самих фронтовиков. Большое значение для самореализации в данной сфере имело музыкальное образование либо навыки исполнительства на любительском уровне, которыми обладали многие советские военнослужащие. Яркий пример – ученики Н.Н. Полуэктовой, преподававшей в 1930-е гг. и далее, в годы войны в Горьковском музыкальном училище. Полуэктова переписывалась с некоторыми из своих воспитанников, оказавшимися в рядах РККА, и они рассказывали, что берут на себя в своих воинских частях «все вопросы искусства», организуют кружки и концерты, с успехом выступают с собственными номерами. Выпускница Московской государственной филармонии Галина Брюханова, в свое время учившаяся у Полуэктовой, работала медсестрой в полевом госпитале № 4268. В письмах Галина делилась, что руководит хоровым кружком из девушек-медиков, а летом 1944-го во время празднования юбилея А.П. Чехова попробовала себя в роли режиссера, поставив несколько инсценировок его рассказов. Медсестра Лидия Козьмина, которая в Горьковском музучилище специализировалась по классу фортепиано, освоила на фронте игру на трофейном немецком аккордеоне, и мало кто верил, что «раньше аккордеона в руках не держала». В 1944 г. на офицерском обеде по случаю ноябрьских праздников Лидия показала несколько номеров для приехавших в часть гостей («генералов»). «Я стала играть, сама не замечая, как – писала девушка Полуэктовой. – Я изливала то, что было на душе. А на душе грусть какая-то, тоска. Они притихли все, не шелохнутся. В этот вечер я получила от генерала часы...» [16].

Безусловно, командиры и политработники были в высшей степени заинтересованы в развитии художественной самодеятельности, т.к. участие в ней несло развивающий и расслабляющий эффекты, занимало время и мысли комбатантов на досуге. Но хотя нет

недостатка в свидетельствах о том, что «самодеятельность» организовывалась согласно распоряжениям «сверху» (кстати, часто имевших характер импульса, призванного подтолкнуть инициативу фронтовиков), однако гораздо чаще встречаются рассказы о собственных инициативах военнослужащих и, прежде всего, деятельности так называемых «заводил», способных расшевелить сослуживцев, выявить среди них таланты и, наконец, организовать мероприятие, достойное называться «концертом».

Как рассказывал артиллерист М.Д. Шибанов, «в каждой батарее был свой заводила, свой аккордеонист или баянист, а кто был в командировке в Москве, на концерте, [тот] записывал, напевал, передавал другу...» [17]. Гвардии старшина В.В. Сырцылин (в довоенной жизни – библиотечарь), принадлежавший к категории подобных лидеров, докладывал в письме жене, что в период отдыха организовал самодеятельность, поэтому «пришлось самому писать сцены», командовать репетициями, и, в итоге, через пару недель ожидается выступление «всем на удивленье». Обещанный концерт состоялся в канун Нового 1944 года, и, видимо, имел успех, так как в начале февраля планировалось его трижды повторить, а к 23 февраля Сырцылин готовил совершенно новую программу. Семье он признавался, что именно в самодеятельности отводит «в тоске свою душу». Что касается общественного признания, то оно стимулировало к дальнейшим творческим поискам. «Мои миниатюры в большом спросе на нашей красноармейской эстраде, – с гордостью писал Сырцылин в апреле 1944 г. – За зиму написал 4 небольших вещи и большой литературно-музыкальный монтаж, сейчас работаю над драматическими этюдами “Ход конем” и “Моя тайна”. В голове тем много, но нет времени писать». Кстати, потенциал Сырцылина не остался незамеченным политработниками, и в конце года его утвердили «штатным лектором», а, по собственному мнению, «преподавателем истории партии». Таким образом, произошел тот нередкий случай, когда творческая энергия была перенаправлена в наиболее полезное с идеологической точки зрения русло [18].

В то же время ясно, что на более-менее постоянной основе концертная самодеятельность могла развиваться лишь в тех коллективах, которые имели стабильный состав и оказывались на достаточном расстоянии от передовых позиций. Так, из рапорта шефам (Горьковскому обкому МОПР), который поступил от рядового, сержантского, офицерского и вольнонаемного состава военно-санитарного поезда № 163 и был изложен в свободной форме письма, известно, что, располагая несколькими музыкальными инструментами, молодежь поезда ежедневно выступала перед ранеными [19]. Л.Л. Вегер, которому довелось попасть с ранением на такой же военно-санитарный поезд, наполненный, преимущественно, женским персоналом, подтверждает, что в периоды отстоев в ожидании поездов к фронту там проходили репетиции самодеятельности, хора. Более того, хор соревновался с хорами других поездов и давал концерты для местного населения [20].

Самодеятельные коллективы, демонстрировавшие высокий уровень, стремились максимально использовать. О данной тенденции свидетельствуют факты «выхода» таких коллективов за пределы отдельной воинской части, развертывание их, своего рода, «гастрольной жизни». Фронтовик А.В. Пыльцын вспоминает, что в госпитале, где служила медсестрой его жена, действовал на постоянной основе коллектив художественной самодеятельности, в котором она, бывшая ученица одной из ленинградских балетных школ, считалась ведущей солисткой танцевальной группы. В периоды затишья в боевых действиях, когда в госпитале было не так много раненых и не ожидалось наплыва новых, этот коллектив в соответствии с планами политуправления фронта «гастролировал» по воинским частям, находящимся на отдыхе или на переформировании [21].

Во время фронтовых концертов военнослужащие могли проявить способности в различных жанрах. Младший лейтенант Ю.Я. Зильберман (поэт, журналист), служивший в редакции красноармейской газеты «Ворошиловский залп» 125-й стрелковой дивизии, выезжал на передовую линию в составе агитбригад. В них «работал» несколько номеров: иллюзионный, скетч («мнемотехника»), чтение собственных стихов [22]. Но, все же, наиболее часто творческое самовыражение происходило в музыкальном или певческом искусстве. Песни исполнялись под аккомпанемент гитары, гармони, балалайки, мандолины. Однако и с музыкальными инструментами, и со сборниками нот и песенных текстов возникали проблемы. В таких случаях командиры воинских частей обращались за помощью

в тыл, как правило, действуя через партийные органы. Так, в июле 1942 г. в Татарский обком ВКП(б) поступило письмо, адресованное директору Казанской гармонной фабрики. Комиссар 32-й конно-санитарной роты Хамидуллин и командир роты Черных напоминали, что их подразделение было сформировано в одном из городов Татарской АССР и его личный состав – это, в подавляющем большинстве, татары: «Бывают у нас минуты затишья, вот эти свободные минуты нам нечем восполнить. Одним из лучших методов развлечения является музыка, а так как здесь в прифронтовой полосе мы не можем достать гармонию, к тому же на татарском строе, поэтому обращаемся к Вам с величайшей просьбой выслать нам одну гармонию на татарском строе наложенным платежом». Спустя месяц секретарь Татарского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации С.Ш. Гафаров сообщил комиссару Хамидуллину о высылке гармони. Тогда же к Гафарову обратился начальник клуба одной из дивизий старший политрук Г.Г. Валлиулин с просьбой выслать «сборник татарских народных и патриотических песен и рассказов для исполнения в агитколлективе, клубе и художественной самодеятельности в гостях нашего соединения». Через местные партийные организации Валлиулину уже удалось достать казахский и узбекский сборники песен и нот, что представлялось ему важным, так как наряду с русскими и татарами в соединении имелись узбеки, казахи, башкиры и др. И вот уже, «быстренько переложив и расписав ноты, театрализованный джаз исполняет как узбекские, так и казахские мотивы. Бойцы, безусловно, довольны» [23].

Согласно источникам, во время пребывания советских военнослужащих за границами СССР открылись новые возможности приобщения к концертным мероприятиям. Правда, реализовать их удалось, в основном, уже в послевоенные месяцы. В июле 1945 г. военный врач Хася Идельчик писала родным, что живет в 18 км от Вены и очень хочет попасть в театр, даже отложила на это деньги [24]. Запись из дневника молодого разведчика Сергея Баруздина (в будущем – известного советского писателя) сообщает, что 29 мая 1945 г. он вместе с сослуживцами, находясь неподалеку от Праги, побывал на концерте «чешской самодеятельности». «Осталось чудное впечатление и от музыки, и от душевных чешских песен, стихов и танцев». Противоположную оценку заслужил концерт артистов из Будапешта, который Баруздин посмотрел месяц спустя, уже будучи в Венгрии. Автор дневника отметил, что концертная программа имела «большой уклон на похабщину и халтуру», демонстрировались «всякие сомнительные “арабские танцы”». Прошло некоторое время, и силами части Баруздина были даны «ответные» самодеятельные концерты для мадьярской аудитории, имевшие, по его словам, большой успех [25].

Закключение. Подводя итог, следует отметить, что фронтовые концерты являлись значимым компонентом досуга комбатантов, и очевидны заслуги Комитета по делам искусств при СНК СССР и советского военного командования в деле организации подобных мероприятий. Приобщение к музыкальному и иным искусствам позволяло военнослужащим интеллектуально и эмоционально переключаться, что в ситуациях физической усталости и тяжело переносимой лишенности положительных впечатлений было крайне важно. Согласно многим свидетельствам, сохранившимся в частной переписке, дневниковых записях, воспоминаниях, фронтовые концерты оставили в памяти их зрителей самые яркие впечатления, поддержали силы в борьбе с врагом. Но даже будучи не особенно удовлетворенными увиденными концертными программами, комбатанты отмечали их ценность в условиях фронтовой повседневности. Как резюмировал в этой связи девятнадцатилетний разведчик В. Цоглин: «Вот и все развлечения, остальное – грохот, вой, взрывы и по 5 кг грязи на каждом сапоге» [26].

Пожалуй, можно констатировать, что во время фронтовых концертов спонтанно создавалось некое поле взаимодействия фронта и тыла. Посредством искусства комбатантам транслировались те ценности далекой от них мирной жизни, связь с которыми, казалось бы, была утрачена. Если такой «контакт» происходил, что во многом зависело от правильно подобранного репертуара, профессионализма и самоотдачи артистов, то военнослужащие испытывали восторженные эмоции и сравнивали свое состояние со «сном», переносившим их в иное (читай, мирное) измерение. Кроме того, во время концертов комбатанты имели шанс лишиться раз убедиться, что тыл достойно отвечает своей «работой» (в данном случае, в сфере искусства) на их фронтовую «работу». Однако поскольку случались моменты несовпадения (в источниках отмечается «халтура» в деятельности некоторых артистических

бригад), то средством избежать разочарований становилось повышенное внимание к творчеству коллективов армейской художественной самодеятельности. Последние демонстрировали близкий и понятный «людям с передовой» репертуар (каких-либо претензий к концертам армейской самодеятельности нами вообще не обнаружено), а главное – позволяли фронтовикам проявлять, на самом деле, многочисленные таланты, получать заслуженные похвалы и уважение, и, тем самым, дополнительную поддержку собственных сил.

Примечания:

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202. Л. 2, 5.
2. РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202. Л. 4–35.
3. РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1532. Л. 1, 31.
4. РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1532. Л. 9.
5. «Сохрани мои письма...»: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2. М., 2010. С. 145–148.
6. РГАЛИ. Ф. 2594. Оп. 1. Д. 555. Л. 51–52.
7. Интервью с Бакаем Дмитрием Ивановичем, 1921 г.р. Записано И.Г. Тажидиновой в ст. Динской Краснодарского края 17 июня 2013 г.
8. Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005. С. 133–134.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 47, 57.
10. Фронтовые письма из калужских архивов: сб. документов. Калуга, 2010. С. 36.
11. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 50б.
12. Архив Научно-просветительского центра «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 13.
13. Стеженский В.И. Солдатский дневник: военные страницы. М., 2005. С. 49, 50.
14. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 80б.
15. «Сохрани мои письма...»: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007. С. 245–246.
16. «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. документов. Н.Новгород, 2010. С. 28, 100.
17. Интервью с Шибановым Михаилом Дмитриевичем, 1923 г.р. Записано И.Г. Тажидиновой в г. Краснодаре 6 ноября 2012 г.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 60, 70, 71об., 88; Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения. Краснодар, 2010. С. 107, 114.
19. «Я пока жив...» С. 109.
20. Вегер Л.Л. Записки бойца-разведчика. М., 2003. С. 60.
21. Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003.
22. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. М., 2007. С. 71.
23. Письма с фронта. 1941–1945 гг.: Сб. документов. Казань, 2010. С. 160–161, 173.
24. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 195. Л. 20.
25. РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 32, 35, 40.
26. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 13.

References:

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 2931. Op. 1. D. 1202. L. 2, 5.
2. RGALI. F. 2931. Op. 1. D. 1202. L. 4–35.
3. RGALI. F. 2931. Op. 1. D. 1532. L. 1, 31.
4. RGALI. F. 2931. Op. 1. D. 1532. L. 9.
5. «Sokhrani moi pis'ma...»: Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 2. M., 2010. S. 145–148.

6. RGALI. F. 2594. Op. 1. D. 555. L. 51–52.
7. Interv'yu s Bakaem Dmitriem Ivanovichem, 1921 g.r. Zapisano I.G. Tazhidinovi v st. Dinskoi Krasnodarskogo kraia 17 iyunya 2013 g.
8. Andreev L.G. Filosofiya sushchestvovaniya. Voennye vospominaniya. M., 2005. S. 133–134.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. M-33. Op. 1. D. 1400. L. 47, 57.
10. Frontovye pis'ma iz kaluzhskikh arkhivov: sb. dokumentov. Kaluga, 2010. S. 36.
11. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 291. L. 5ob.
12. Arkhiv Nauchno-prosvetitel'skogo tsentra «Kholokost». F. 9. Op. 2. D. 160. L. 13.
13. Stezhenskii V.I. Soldatskii dnevnik: voennye stranitsy. M., 2005. S. 49, 50.
14. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F. 6217. Op. 6. D. 13. L. 8ob.
15. «Sokhrani moi pis'ma...»: Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 1. M., 2007. S. 245–246.
16. «Ya poka zhiv...» (Frontovye pis'ma 1941–1945 gg.): sb. dokumentov. N.Novgorod, 2010. S. 28, 100.
17. Interv'yu s Shibanovym Mikhailom Dmitrievichem, 1923 g.r. Zapisano I.G. Tazhidinovi v g. Krasnodare 6 noyabrya 2012 g.
18. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia (TsDNIKK). F. 1774-R. Op. 2. D. 1234. L. 60, 70, 71ob., 88; Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya voina v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya. Krasnodar, 2010. S. 107, 114.
19. «Ya poka zhiv...» S. 109.
20. Veger L.L. Zapiski boitsa-razvedchika. M., 2003. S. 60.
21. Pyl'tsyn A.V. Shtrafnoi udar, ili Kak ofitserkii shtrafbat doshel do Berlina. SPb., 2003.
22. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. M., 2007. S. 71.
23. Pis'ma s fronta. 1941–1945 gg.: Sb. dokumentov. Kazan', 2010. S. 160–161, 173.
24. Arkhiv NPTs «Kholokost». F. 9. Op. 2. D. 195. L. 20.
25. RGALI. F. 2855. Op. 1. D. 38. L. 32, 35, 40.
26. Arkhiv NPTs «Kholokost». F. 9. Op. 2. D. 160. L. 13.

УДК 94(47)

Фронтвые концерты в 1941–1945 гг. в свидетельствах артистов и зрителей

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
 350063, г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4
 Кандидат исторических наук
 E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика проведения досуга комбатантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945. На основе источников личного происхождения (частной переписки, дневников, воспоминаний) рассматривается такая форма организации свободного времени как фронтвые концерты. С одной стороны, приводятся свидетельства о концертной деятельности самих артистов, с другой – впечатления и оценки фронтовиков. Определенное внимание уделяется художественной самодеятельности армейских коллективов.

Ключевые слова. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; письма; дневники; воспоминания; фронтовая повседневность; досуг; комбатанты; искусство; фронтвые концерты; самодеятельное творчество.